

Натуралистическое либертарианство Роберта Кейна^а

Американский философ Роберт Хилари Кейн родился 25 ноября 1938 г. в Бостоне. В 1960 г. он получил степень бакалавра в Университете Нотр-Дам в Индиане, в 1964 г. защитил докторскую степень в Йеле. Многие годы Кейн был профессором философии в Техасском университете в Остине; в настоящее время он является заслуженным профессором этого университета.

Главным научным интересом Роберта Кейна всегда была проблема свободы воли, в дебатах о которой он последовательно отстаивал либертарианскую позицию. За годы работы Кейн написал и опубликовал семь книг и более восьмидесяти статей по проблемам философии сознания, свободы воли, этики, аксиологии, политической философии и философии религии. Среди его книг: «Свобода воли и ценности» (Kane, 1985), «Сквозь моральный лабиринт» (Kane, 1996b), удостоенная ежегодной премии Техасского университета «Значимость свободы воли» (Kane, 1996a), «Современное введение в проблему свободы воли» (Kane, 2005), «Этика и поиск мудрости» (Kane, 2010). Роберт Кейн выступил редактором сборника «Оксфордский справочник по свободе воли» (*The Oxford Handbook of Free Will*, 2011), — важность этого издания заключается в том, что специально для него представители различных позиций написали статьи с изложением своего видения современного состояния дискуссий о свободе воли.

В тот момент, когда Кейн начал работать над проблемой свободы воли, центральное место в дебатах занимал спор между классическими компатибилистами, предлагавшими различные версии лингвистического анализа выражения «мог поступить иначе», и инкомпатибилистами, критикующими этот анализ. Ярким примером такой критики служит статья Джона Остина «Условия и возможности» (Austin, 1956), в которой автор пишет, что выражение «мог поступить иначе» нельзя проанализировать при помощи условных предложений типа «поступил бы иначе, если бы захотел», и иллюстрирует это примером с игроком

^аИсследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-03-00834 «Единство сознания: феноменальное поле и проблема связности опыта».

в гольф. Игрок не забивает мяч, но считает, что мог забить его. Очевидно, что неправильно интерпретировать выражение «мог забить» как «забил бы, если бы захотел», поскольку он хотел забить мяч, но не преуспел в этом. Статья Остина убедила многих философов в том, что компатибилистский анализ неверен.

Новым словом в дебатах стала статья Питера Стросона «Свобода и resentment» (P. F. Strawson, 1962), где вместо анализа смысла выражений обыденного языка автор обращается к изучению психологической природы взаимоотношений агентов. Стросон говорит о том, что в зависимости от установки — реагирующей (*reactive attitude*) или объективной (*objective attitude*) — мы можем рассматривать агентов как заслуживающих уважения и благодарности, порицания и возмущения — или, напротив, не заслуживающих особого морального отношения. При этом первых мы будем считать несущими моральную ответственность, что традиционно связывается с наличием свободы воли, в то время как вторые могут быть для нас приятными, полезными или, напротив, вредными, однако не будут восприниматься нами как несущие моральную ответственность. Если дом сгорел от того, что в него ударила молния, мы не считаем ее виновной, но если дом сгорел вследствие преднамеренного поджога, мы сочтем виноватым поджигателя.

Классическое представление заключалось в том, что виновным может быть только тот, кто наделен свободой воли, но Стросон переворачивает эту концептуальную взаимосвязь: свободой воли наделен лишь тот, кого мы считаем виновным. Мы можем занять объективную установку и обычно занимаем ее по отношению к маленьким детям или людям, страдающим психическими расстройствами, тем самым исключая их из числа моральных агентов, — для этого нам не требуется устанавливать факт отсутствия у них свободы воли. Ребенок обретает моральную ответственность с возрастом — когда у него развиваются определенные психологические и интеллектуальные качества, на основании которых мы можем занять по отношению к нему реагирующую установку. Для того, чтобы занять ее, нам не нужно выяснять, обрел ли он мистическое свойство свободы воли; достаточно знать, какие психологические и ментальные качества ему присущи. Исследуя человека, ученый может рассматривать его объективно. Но тот же ученый вне рамок своего исследования занимает реагирующую установку, поскольку она составляет неотъемлемую часть его человеческой природы. Таким образом,

вопрос о ложности или истинности физического детерминизма, по мнению Стросона, не имеет отношения к вопросу о наличии у человека свободы воли.

Однако Роберт Кейн не согласился с этим. На протяжении всей своей научно-философской карьеры он стремился сформулировать такую концепцию свободы воли, которая не просто соответствовала бы научной картине мира и не противоречила бы повседневному употреблению языка, но и была бы построена на основании фундаментальных либертарианских интуиций, в соответствии с которыми свобода воли несовместима с физическим детерминизмом. Как сообщает сам Кейн в статье 2013 г., во время обучения в Йельском университете он, прочитав только что вышедшую статью Стросона, впервые задумался о том, можно ли примирить традиционные либертарианские или инкомпатибилистские представления о свободе воли с современной наукой. Он сказал своему научному руководителю Уилфреду Селларсу, что справится с этой задачей к концу семестра, но это оказалось не так просто (Кане, 2013: 256). В статье «Свобода воли: ускользающий идеал» (Кане, 1994), перевод которой публикуется в этом номере, Кейн излагает основные положения своей теории, которые он будет уточнять и прояснять в последующих работах.

Роберт Кейн полагает, что представление о свободе воли включает в себя два связанных, но не тождественных аспекта. В соответствии с первым из них, свобода воли представляет собой свободу выбора, т. е. возможность поступить так или иначе в данной ситуации. В соответствии со вторым, свобода воли есть авторство действия, т. е. способность агента быть источником собственных поступков. Дебаты классических компатибилистов и инкомпатибилистов касались только первого из этих аспектов — вопроса о том, мог ли агент поступить иначе при условии истинности физического детерминизма. Кейн согласен с тем, что наличие у агента свободы выбора необходимо, но при этом считает, что этого недостаточно для свободы воли, так как второй аспект не менее важен. Компатибилистские теории свободы воли, по мнению Кейна, неспособны объяснить, как оба эти аспекта могут быть совместимы с физическим детерминизмом. Но либертарианские теории, сформулированные ранее, его тоже не устраивают, поскольку из них неясно, как именно авторство действия и способность поступить иначе можно примирить с современными научными представлениями об устройстве мира. По убеждению Кейна, эти теории не могут объяснить свободу воли без обращения к мистическим сущностям, таким как ноуменальные «я»,

трансэмпирические центры силы и особые способы деятельности, доступные только агенту (agent-causation). Однако подобные объяснения вызывают недоверие у всех, кто придерживается хотя бы минимально натуралистической установки.

Кейн считает, что физическим механизмом реализации свободы воли как свободы выбора могли бы быть квантовые эффекты в мозге, поскольку в случае квантовой неопределенности исхода размышлений агента возможность поступить так или иначе сохраняется вплоть до момента принятия решения. Такой способ объяснения механизма осуществления свободы выбора ставит под вопрос успешное объяснение способности агента быть источником собственных поступков. Если решение агента является результатом квантового процесса, исход которого недетерминирован, то как агент может быть источником этого решения и как он может нести за него ответственность? В книге «Опыт о свободе воли» (van Inwagen, 1983) ван Инваген называет критику такого рода «аргументом журнала *Mind*» (the *Mind* argument), поскольку в этом журнале было опубликовано много статей, призванных показать, что свобода воли и моральная ответственность несовместимы со случайным, индетерминированным выбором. Кейн предлагает оригинальное решение этой проблемы. Он говорит, что выбор не будет случайным, если ситуация квантовой неопределенности в мозге соответствует ситуации психологической борьбы, когда агент разрывается между конфликтующими мотивами. Если оба мотива имеют моральную значимость, то действие на основании одного из них изменяет личность агента, поэтому Кейн называет его формирующим самость действием (self forming action).

В переведенной статье Кейн описывает, каким условиям должны соответствовать такие ситуации выбора для того, чтобы представлять собой проявления свободы воли агента, и как именно его теория отвечает на возражения, подобные аргументу журнала *Mind*. В книге «Значимость свободы воли» (Кане, 1996а) Кейн подробно рассматривает историю вопроса и анализирует проблемы, стоящие перед сторонниками либертарианских концепций, а также отвечает на контраргументы как со стороны компатибилистов, так и со стороны инкомпатибилистов. В последующих работах Кейн продолжает развивать и уточнять свою концепцию, уделяя особое внимание возражениям таких исследователей, как Т. О'Коннор, Р. Кларк, А. Миле, М. МакКенна, М. Фишер,

М. Варгас, Д. Перебум, Д. Деннет и др. Рассмотрению либертарианской теории Кейна посвящены сотни статей и множество книг^b, так что привести полный библиографический список не представляется возможным. К настоящему времени на русский язык не переведена ни одна из книг Кейна и, насколько нам известно, опубликован перевод всего одной из его статей — «Поступать „по своей собственной свободной воле“: современные размышления о древней философской проблеме» в специальном номере журнала «Логос», посвященном обсуждению свободы воли (Кейн, 2016). Надеемся, что перевод статьи «Свобода воли: ускользающий идеал» будет способствовать прояснению контекста этой дискуссии и станет еще одним важным шагом в исследовании проблемы свободы воли в отечественной философской традиции.

М. А. Секацкая, Н. С. Попова-Никитюк (СПбГУ)

РОБЕРТ КЕЙН

СВОБОДА ВОЛИ: УСКОЛЬЗАЮЩИЙ ИДЕАЛ*

I

Благодаря данному сборнику статей, посвященному вопросу свободы воли, созданному под редакцией Марка Бернштейна и подготовленному к печати журналом «Philosophical Studies»¹, у меня появилась прекрасная возможность еще раз проанализировать работу, проделанную мной в этой области в последние 25 лет. За это время дебаты по вопросу свободы воли претерпели существенные изменения, которые, на мой взгляд, серьезно недооцениваются.

Ни для кого не секрет, что проблема свободы воли в традиционном понимании возникла в давние времена — вместе с подозрением, что

^bВ чем можно убедиться, введя соответствующий запрос на сайте <https://jstor.org>.

*© Философия. Журнал Высшей школы экономики. Перевод: Н. С. Попова-Никитюк (аспирантка, факультет психологии СПбГУ, nat.nikityuk@gmail.com), под ред. М. А. Секацкой (старший преподаватель, институт философии СПбГУ, maria.sekatskaya@gmail.com). Оригинал: *Kane R. Free Will: The Elusive Ideal // Philosophical Studies*. — 1994. — Vol. 75, no. 1/2. — P. 25–60. Текст публикуется с разрешения автора. Дополнительную информацию и другие работы Р. Кейна можно найти на сайте <http://www.roberthilarykane.com>.

¹Имеется в виду 75-й том журнала «Philosophical Studies. An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition», в котором была опубликована данная статья Кейна (*ibid.*). — *Прим. пер.*

представления о свободе воли и о детерминизме (о какой бы форме детерминизма ни шла речь: физической, психологической, теологической или фаталистической) конфликтуют между собой. Если бы конфликт между свободой и детерминизмом был несущественным, основная проблема свободы воли была бы решена, или, вернее сказать, она перестала бы быть проблемой, поскольку вопросы, породившие ее, потеряли бы актуальность. Применительно к проблеме свободы воли подобная «деактуализирующая» стратегия («диссолюционизм») превалирует в современной философии: смысл ее в том, что давние споры по поводу свободы воли и детерминизма можно наконец оставить в прошлом, поскольку подлинного конфликта между обозначенными категориями нет. Эта стратегия не нова — она появилась во времена стоиков, — но в эпоху современности, начиная с Гоббса², приобрела несколько иные формы. У обозначенной стратегии богатая родословная — среди ее приверженцев Локк, Спиноза, Эдвардс, Юм, Шопенгауэр, Милль и другие. Она развивается вплоть до двадцатого столетия и здесь становится наиболее популярной среди философов.

В преобладающей ныне «модернистской» форме «диссолюционизм» ведет к «компатибилизму»³ — представлению, что свобода во всех ее проявлениях (включая свободу воли) совместима с детерминизмом. Безусловно, компатибилизм является в наше время наиболее популярной точкой зрения среди философов — несмотря на то, что вслед за Кантом и Джеймсом многие продолжают считать компатибилизм «трясиной». Но есть еще и «постмодернистская» форма диссолюционизма, гласящая, что не существует единого, связного, понятного представления о свободе воли — достаточно определенного, чтобы говорить о том, что оно совместимо (*compatible*) или несовместимо (*incompatible*) с детерминизмом. С этой точки зрения и компатибилизм, и инкомпатибилизм «не дотягивают» до цели, поскольку наша цель — свобода воли — в принципе не является чем-то непротиворечивым и внутренне согласованным⁴. При всех различиях, диссолюционизм в любой его форме — модернистской (компатибилистской) или постмодернистской — приходит к одному и тому же заключению: конфликты между свободой воли

²Я приводил аргументы в других публикациях. Например, см.: Kane, 1985.

³От англ. «*compatible*» — совместимый. — *Прим. пер.*

⁴В данном сборнике эту «постмодернистскую» линию представляют Гален Стросон и Ричард Дабл. См. их работы: G. Strawson, 1986; Double, 1991.

и детерминизмом надуманы, и давние споры по этому поводу можно, наконец, оставить в прошлом.

Эти современные диссолюционистские воззрения мне не чужды. Один из моих первых наставников — по случайному совпадению, соучредитель этого журнала — был компатибилистом и в свое время убедил меня в своей правоте. Однако, как и многие другие, я продолжал размышлять: неужели и вправду не было оснований у всех этих многочисленных и давних предположений о несовместимости свободы воли и детерминизма? Оставалось лишь понять, о каком именно виде свободы шла в них речь. Сегодня широко распространено убеждение, что старомодная инкомпатибилистская свобода воли совершенно таинственна, невероятно туманна и неясна и ей нет места в современной картине мира людей, живущих в реальности, описываемой естественными, социальными и когнитивными науками. Инкомпатибилистскую свободу часто именуют «контркаузальной свободой⁵», что дезориентирует и усугубляет недоверие к ней, — так же как и апелляции ее защитников к ноуменальным «я», трансэмпирическим центрам силы и понятиям деятельности, которые не могут быть объяснены в терминах обычной событийной причинности (event causation). В итоге стороннему наблюдателю кажется, что защитники инкомпатибилистского понимания свободы (их часто также называют «либертарианцами») бегут без оглядки от современных научных представлений о природе человека, отдавая предпочтение защите своих интуиций.

Глубоко обеспокоенный таким положением вещей, в 1970 г. я приступил к разработке нового подхода. Моей целью было налаживание более конструктивного и осмысленного диалога между сторонниками инкомпатибилистских (или либертарианских) взглядов и представителями современной науки — физиками, биологами, когнитивистами и социологами, — чтобы естественным образом найти в науке место, где мы могли бы «осуществлять нашу свободу». Работа над этой задачей продолжается и по сей день: дело оказалось намного более масштабным, чем я предполагал первоначально. Зато благодаря моим усилиям появилась книга (Kane, 1985), посвященная свободе воли, и несколько серий публикаций (Kane, 1988a,b; 1989), в которых, отвечая на возражения других философов, я развивал собственные представления об обозначенном предмете.

⁵Т. е. свободой, противоречащей причинной обусловленности. — *Прим. пер.*

Таким образом, если придерживаться современной терминологии, можно сказать, что я защищаю инкомпатибилистский, или либертарианский, взгляд на свободу воли. Среди авторов данного сборника «на одной стороне» со мной — Петер ван Инваген. В целом мы представляем инкомпатибилистский, или либертарианский, подход. Однако мои воззрения несколько необычны даже по инкомпатибилистским меркам. Так, общепринятые наименования не дают полного представления о реальном положении дел. В этой статье я планирую рассказать, чем именно и почему моя точка зрения отличается от прочих традиционных и современных воззрений на свободу и свободу воли и, в том числе, как она отличается от позиций других инкомпатибилистов и либертарианцев. Идеи, изложенные ниже, вряд ли можно назвать «последним словом» в указанной области, и я в меньшей степени озабочен целью убедить всех в их безупречной достоверности, нежели желанием проиллюстрировать тот факт, что рассуждать нетривиальным способом в рамках обозначенной темы вполне возможно. Я уверен, что внутри разветвленных лабиринтов дебатов о свободе воли остаются неизученными целые «коридоры». В истории было несколько случаев, когда мыслители приоткрывали двери, глядялись в кромешную темноту уходящих вглубь ходов и после спешно затворяли их. Я не знаю, куда ведут эти ходы, не нанесенные на карту, но полагаю, что, если мы планируем вывести дебаты о свободе воли из тупикового положения, в котором они находятся в данный момент, нам все-таки придется их исследовать.

II

Временами я буду «рисовать широкими мазками», чтобы объяснить, как и чем моя точка зрения отличается от прочих, а в некоторых случаях — заострять внимание на важных моментах или критических аргументах. «Пробелы», оставленные в этой статье, будут заполнены информацией, представленной в моей новой книге⁶, посвященной вопросу свободы воли: я написал ее, чтобы донести до читателя изменения в моих воззрениях и ответить на критику. Эта статья — что-то вроде прелюдии к данной работе.

(1) *Четыре вопроса*. Согласно моим наблюдениям, в традиционных дебатах по поводу свободы воли есть четыре основных вопроса (обратите внимание: я не говорю, что это все вопросы, я говорю лишь, что они центральные). Их можно сформулировать примерно таким образом:

⁶Кейн имеет в виду книгу: Капе, 1996а. — *Прим. пер.*

- ◇ Вопрос *совместимости* (the *Compatibility Question*): совместима ли свобода воли с детерминизмом?
- ◇ Вопрос *значимости* (the *Significance Question*): почему мы хотим, и хотим ли, «обладать» свободой воли, несовместимой с детерминизмом? По меткому выражению Д. Деннета, «стоит ли хотеть» такой свободы воли, и если да, то почему?
- ◇ Вопрос *осмысленности* (the *Intelligibility Question*): имеет ли для нас смысл свобода или свобода воли, несовместимая с детерминизмом? Непротиворечива ли она, постижима ли? Или, как заявляют многие критики, она невероятно таинственна и предельно неясна?
- ◇ Вопрос *существования* (the *Existence Question*): существует ли такая свобода на самом деле, и если да, то где?

Эти четыре вопроса неразрывно связаны друг с другом: ответ на каждый из них зависит от ответов на остальные. Но также плодотворно рассматривать их парами. Нужно исследовать вместе вопросы совместимости и значимости — далее я объясню, почему. Очевидно, что вопросы осмысленности и существования также располагаются неподалеку друг от друга. Если мы не сможем ясно выразить, что такое свобода воли, мы не сможем понять, что именно ищем, когда хотим найти ее в реальности.

Представьте, что задание для тех, кто защищает традиционную инкомпатибилистскую свободу воли, — взобраться на вершину горы и спуститься по обратной ее стороне. Восхождение на гору — это ответ на первую пару вопросов: совместимость и значимость в инкомпатибилистском понимании; спуск — ответ на вторую пару: осмысленность и существование инкомпатибилистской свободы. Другими словами, взобраться на вершину горы — это показать, что есть значимая для нас свобода, стоящая стремления к ней, и при этом она несовместима с детерминизмом. В 1970–80-е гг. новые аргументы в пользу такого инкомпатибилизма, выдвинутые либертарианцами ван Инвагеном, Карлом Жине, Дэвидом Уиггинсом, Джеймсом Лэмбом и другими (van Inwagen, 1975; Ginet, 1967; Wiggins, 1973; Lamb, 1977), играли ключевую роль в значительном количестве дебатов. Эти аргументы были противоречивыми — отчасти потому, что они зависели от интерпретации таких невероятно сложных терминов и выражений, как «мочь» (can), «сила» (power), «возможность» (ability) и «мог поступить иначе» (could have done otherwise).

Но эти новые аргументы, как и все прочие доводы в пользу инкомпатибилизма, противоречивы еще по одной причине. Даже в случае успеха они могут привести нас лишь к вершине горы. А для спуска по

склону с обратной стороны необходимо продемонстрировать, что инкомпатибилистские представления о свободе воли могут быть понятными и доступными (объяснить, что в них нет внутренней несогласованности, таинственности и запутанности), и показать, как они совпадают с естественным порядком вещей. Другими словами, необходимо также обратиться к вопросам осмысленности и существования. Однако большинство современных скептиков в вопросе либертарианской свободы воли попросту уверены в том, что она невразумительна и внутренне противоречива и что ей нет места в реальности. Они полагают, что абстрактные доводы в пользу инкомпатибилизма — такие, как аргументы ван Инвагена, Жине и других, — несостоятельны в любом случае, и вопрос здесь лишь в том, в каком именно месте допущена логическая или какая-то иная ошибка.

Так, становится ясно, как именно ответы на вопросы «восхождения» — совместимости и значимости — зависят от ответов на вопросы «спуска» — осмысленности и существования. Абстрактные аргументы в пользу инкомпатибилизма, казалось бы, дающие возможность совершить восхождение, все же немного стоят без той возможности спуска по другой стороне горы, которую могли бы предоставить доказательства ясности и постижимости инкомпатибилистской свободы, и именно этой ясности требуют такие аргументы. На горе под названием Инкомпатибилизм воздух холоден и разрежен — и, если некоторое время постоять на вершине, не имея возможности спуститься по противоположному склону, мозг затуманится, пропадет ясность рассудка, придут видения ноуменальных сущностей, не-проявляющихся причин и непознаваемых субъектов, а также прочие фантазии.

Поэтому, когда в 1970 г. я приступил к рассмотрению свободы воли, мое внимание было приковано к проблеме «спуска» и, в особенности, к ее основному вопросу — осмысленности. Мне казалось, что существует единственная возможность сдвинуться с мертвой точки в дебатах о свободе воли — по-новому и тщательно разобрать вопрос осмысленности и использовать это как трамплин для переосмысления остальных моментов, включая вопрос существования. Так я оказался на другом пути, нежели прочие философы 1970–80-х гг.: тогда в центре всеобщего внимания был вопрос совместимости (и проблема «восхождения» в целом), что и продолжается до наших дней. И в этом — первое отличие моего подхода.

(2) *Множественные свободы*. При подробном рассмотрении вопроса осмысленности выяснилось, что «свобода» — многозначный термин:

некоторые из значений могут указывать на виды свободы, совместимые с детерминизмом, некоторые — на несовместимые с ним. Я пришел к выводу, что это положение принципиально важно для непротиворечивого рассмотрения всех четырех вопросов, включая вопрос совместимости. Допущение, что существует единая для всех концепция свободы, и следующая за ним вопрос о том, совместима или нет с детерминизмом свобода, описанная в *этой самой* единой концепции, не может привести ни к чему, кроме всеобщего недоумения (хотя в сочинениях на тему свободы воли именно таким образом эта ситуация чаще всего и выглядит).

Получается, что общепринятая, «учебная» формулировка вопроса совместимости — «совместима ли свобода с детерминизмом?» — слишком проста. Если речь идет о разных видах свободы, то вопрос должен звучать так: «совместима ли свобода в *каждом из существенных ее значений* с детерминизмом»? ⁷ Чтобы ответить на развернутый вопрос отрицательно, инкомпатибилистам необязательно утверждать, что каждый значимый тип свободы действия или воли совместим с детерминизмом. Инкомпатибилистам достаточно признать (и, полагаю, они должны это сделать), что существуют важные повседневные значения свободы — к примеру, свобода от насилия, принуждения или политического давления, — для анализа которых утверждение о ложности детерминизма не является обязательным. Это признание равносильно допущению, что *даже если бы мы жили в детерминированном мире*, мы легко могли бы отличать людей, свободных от физического принуждения, зависимости или невроза, насилия и политических притеснений, от тех, кто в этом смысле несвободен; и можно предположить, что такие виды свободы явно предпочтительнее, чем их отсутствие, даже если мир был бы детерминирован.

(3) *Свобода воли*. Что инкомпатибилисты *должны* утверждать (как правило, так они и делают) — так это то, что существует *по крайней мере один* вид свободы, несовместимый с детерминизмом, и это *важный, имеющий смысл вид*. Вместо спора с компатибилистами о том, есть ли имеющие смысл виды свободы, совместимые с детерминизмом, инкомпатибилистам просто стоило бы признать это положение и продолжать доказывать, что не только компатибилистские виды свободы значимы. С моей точки зрения, одним из видов свободы, достойных рассмотрения и несовместимых с детерминизмом, является то, что

⁷Более подробная версия, в свою очередь, показывает, как переплетены темы совместимости и значимости.

традиционно именуют «свободой воли», и я определяю ее как «способность быть абсолютным творцом и двигателем собственных целей и замыслов». Те, кто защищает такую свободу, уверены, что свобода воли в этом значении есть нечто, имеющее смысл, *выходящий за рамки* свобод компатибилистов — таких, как свобода от насилия, принуждения, политического давления. Я не хочу дискредитировать важность свобод в компатибилистском понимании, я лишь хочу сказать, что человек стремится к чему-то большему.

Несмотря на то, что многие современные философы на словах уделяют много внимания проблеме свободы воли, на деле их не интересует специфика данного явления. Они предпочитают рассуждать скорее о «свободе действия», чем о «свободе воли», и о «мотивации действий», нежели об «актах воли» (или просто о «свободе и детерминизме», а не о «свободе воли и детерминизме»). Здесь моя точка зрения также отличается от позиций большинства современников. Я защищаю традиционное представление о том, что вопрос свободы воли есть вопрос о «воле» не только номинально, но и по сути. Акцент на «воле» подчеркивает, что локус индетерминизма, необходимый инкомпатибилистской свободе, располагается преимущественно в области выборов, решений, практических суждений и усилий воли — все это, так или иначе, «акты воли», создающие или поддерживающие намерения и цели, руководящие нашими действиями.

Поскольку это мое рассуждение было понято неверно, позвольте добавить замечание. Акцент на воле *не* означает, что другие действия (помимо актов воли) не могут быть «свободными» в инкомпатибилистском смысле, или «предельно ответственными», или совершенными «по свободной воле агента». Акцент на свободе воли скорее значит, что инкомпатибилистская свобода и ответственность за все остальные действия имеет своим источником и предполагает более глубокую свободу воли (каким именно образом — будет объяснено далее). Несмотря на то, что эту точку зрения старательно игнорировали в XX в. — отчасти по причине сокрушительных атак на волю, предпринятых Витгенштейном, Райлом и другими известными мыслителями, — в истории у нее, как я доказывал ранее, имеется достаточное количество прецедентов. В основании моей уверенности в том, что стоит вернуть приоритетное

значение свободе «воли», — множество сложных причин, некоторые из которых будут обозначены в данной работе.

III

(4) *Альтернативные возможности.* Вследствие пристального рассмотрения свободы воли и вопроса осмысленности обозначились также отличия в подходе к вопросу совместимости. Большая часть аргументов в пользу инкомпатибилизма фокусируется на какой-либо версии того, что Франкфурт называл принципом «альтернативных возможностей» (Frankfurt, 1969): свободный агент должен обладать способностью либо возможностью «поступить иначе», или «иметь возможность действовать по-другому». Фокус на этом принципе особенно очевиден в недавних широко обсуждавшихся аргументах в пользу инкомпатибилизма, предложенных ван Инвагеном, Жине, Уиггинсом, Лэмбом и др. и упоминавшихся ранее. Все эти аргументы — вариации генерального направления мысли, которое ван Инваген назвал «аргументом последствий» (van Inwagen, 1983): если детерминизм достоверен, то наши действия — следствия законов природы и прошлых событий. Следовательно, действия могли бы быть иными лишь в том случае, если бы законы природы или наше прошлое каким-либо образом стали иными. Но у нас недостаточно силы, чтобы изменить законы природы и собственное прошлое. Иначе говоря, если детерминизм истинен, мы не можем поступать иначе, чем поступаем, и свободы у нас тоже нет.

Я не планирую рассматривать здесь подробности описанного выше аргумента последствий или давать обзор литературы, появившейся тут же в огромном количестве, включая критику разных версий этого аргумента от Льюиса, Слоута, Фишера, Уотсона, Деннета, Галуа, Нарвесона, Берофски, Флинта, Хоргана, Хилла, Вивелин и др. (Lewis, 1981; Fischer, 1983; Watson, 1987; Dennett, 1984; Gallois, 1977; Narveson, 1977; Berofsky, 1987; Flint, 1987; Horgan, 1985; Hill, 1992; Vihvelin, 1988)⁸. Достаточно сказать, что успех аргумента последствий в любой из существующих форм зависит от типа интерпретации способности агента поступать иначе, т. е. от того, принимается ли принцип альтернативных возможностей за первое условие, необходимое для свободы. Было в полной мере

⁸Среди прекрасных образцов защиты «аргумента последствий»: Ginet, 1992; O'Connor, 1993b; Widerker, 1987; ; также см. статью ван Инвагена в данном сборнике [в 75-м томе журнала «Philosophical Studies». — *Прим. пер.*]. Еще одна работа на тему аргумента: Blum, 1990.

продемонстрировано, что вариабельность компатибилистских интерпретаций способности поступать иначе ослабляет аргумент последствий. Защитники аргумента — такие, как ван Инваген или Жине, — признают это. Однако они не считают, что компатибилистские понимания «силы», «способности» или фактора «мог поступить иначе» достаточно убедительны и точно отвечают нашим представлениям об альтернативных возможностях, необходимых для совершения подлинно свободного действия (Ginet, 1992; van Inwagen, 1983).

В этом смысле современные дебаты по поводу аргумента последствий, кажется, зашли в тупик. Несмотря на то, что мои симпатии (что неудивительно) на стороне ван Инвагена и Жине, мне всегда казалось неудовлетворительным решение строить защиту инкомпатибилизма исключительно на интуициях относительно таких проблематичных понятий, как «мочь», «способность» и «возможность». Интуиции по поводу этих категорий обречены на противоречивость, потому что эти категории амбивалентны по своей сути⁹. Меня всегда интересовал вопрос о том, почему у компатибилистов и инкомпатибилистов такие разные и конфликтующие между собой представления об этих терминах применительно к детерминизму. Для преодоления этой тупиковой ситуации необходимо «копать глубже», проникнуть в самую суть конфликтующих представлений. В попытках сделать это я пришел к выводу, что анализ «способности поступать иначе» или «альтернативных возможностей» отдельно от прочих категорий ведет лишь к истончению почвы, на которой нужно строить аргументацию в пользу инкомпатибилизма.

(5) *Предельная ответственность*. По счастью, ключи к разгадке можно искать и в других областях, выходящих за пределы альтернативных возможностей. Внимательный пересмотр истории дебатов по вопросу свободы воли показывает, что были два отдельных положения, питавших веру в несовместимость свободы и детерминизма. Одним из них, без сомнения, является представление об «альтернативных возможностях» (далее АВ): люди, обладающие свободой воли, должны иметь способность или возможность поступать иначе. Но второе и, я уверен, более важное положение, всегда питавшее инкомпатибилистские воззрения, — это то, что я назвал ранее «предельной ответственностью», или

⁹Их амбивалентность — явление того же качества, что и многозначность «свободы», описанная в пункте (2) выше.

ПО (Kane, 1989)¹⁰: подлинно свободные агенты должны обладать «полной» или «предельной» ответственностью за свои свободные действия и характер (вскоре я проясню значение сказанного).

Начиная с 1970-х гг. я доказывал, что, хотя АВ и были необходимым условием для некоторых инкомпатибилистских свободных действий, реальным ключом к пониманию инкомпатибилистских представлений была ПО. Если принимать АВ за основное условие хотя бы некоторых свободных действий, но отрицать значение ПО, представления становятся неотличимыми от компатибилистских. Но если придерживаться позиции, что и АВ, и ПО необходимы, по крайней мере, для некоторых свободных действий, воззрения становятся заведомо инкомпатибилистскими. Таким образом, я показал, что ПО стоит за конфликтом представлений компатибилистов и инкомпатибилистов о значении «способности», «возможности», категории «мог поступить иначе» и прочих подобных терминов и выражений. В случаях, когда эти термины и выражения не требуют ПО — даже если они нуждаются в АВ — возможно их компатибилистское прочтение. Но когда они интерпретируются как требующие ПО (предельной ответственности), то АВ (возможность поступить иначе) становится исключительно инкомпатибилистской. В последнем случае аргумент последствий будет выглядеть достоверным; в первом случае — «не пройдет проверку». С моей точки зрения, *«свобода воли» — это историческое наименование, справедливо данное тому виду свободы, который, в качестве условия, требует ПО (а также АВ — для-некоторых-свободных-действий)*. И именно выполнение условия ПО делает свободу воли несовместимой с детерминизмом. Другие виды свободы, даже если одним из условий является АВ, могут быть совместимы с детерминизмом.

Несмотря на историческую значимость ПО (я не ставлю цель продемонстрировать ее в этой публикации), философы, включая наших современников, обычно пренебрегали ей, чего нельзя сказать об АВ. Однако в последние несколько лет ПО снискала больше внимания. Некоторые мыслители — такие как Гален Стросон и Марта Кляйн (G. Strawson, 1986; Klein, 1990) — даже отвели ей центральную роль в дебатах о свободе воли, и я уверен, что это соответствует реальному положению дел. Но Стросон и Кляйн не инкомпатибилисты и не либертарианцы. Они не верят в возможность инкомпатибилистской свободы,

¹⁰В работах, написанных ранее (Kane, 1985), я называл это «условием исключительной и предельной власти».

поскольку не верят в достижимость ПО. В этом я с ними не согласен, но полагаю, что они правы, признавая значимость ПО для традиционных интуиций о свободе воли.

IV

(6) *ПО и достаточное основание*. Но что такое именно эта ПО? Что является условиями для ее выполнения? Кляйн определяет ее таким образом: «агенты должны предельно отвечать за имеющие отношение к морали и нравственности решения и выборы — „предельно“ в том смысле, что ни одно явление, за которое они не отвечают, не могло бы быть источником [или причиной]¹¹ их решений или выборов» (Klein, 1990: 49, 51). Это — правильная мысль (хотя она настоятельно требует дальнейшего прояснения). К примеру, если решение, принятое в настоящем, есть результат сформированных в прошлом характера и мотивов, то для того, чтобы быть «предельно» ответственным за настоящее решение, агент должен также отвечать за черты характера и мотивы, которые послужили причиной решения (если вам кажется, что это рассуждение ведет к регрессу, то вы уловили суть принципа). Но если, напротив, наличествующие черты и мотивы полностью были сформированы при помощи факторов, за которые агент не несет ответственности — наследственности, среды, воли Божьей, специалистов в области поведенческих технологий или социальных условий — на агента не может быть возложена предельная ответственность.

Несмотря на то, что это — общая идея, лежащая в основании полной ответственности, непросто дать последней точное определение. Начиная с 1970-х гг. я неоднократно пытался сделать это, и последняя из версий звучала следующим образом:

ПО. Агент *предельно ответственен* за некое произошедшее событие или положение *C*, только если:

- ◊ *выполняется условие O (ответственность)*: агент персонально ответственен за то, что *C* произошло, в смысле, подразумеваемом, что нечто, что агент по доброй воле сделал или отказался делать, либо само было *C*, либо каузально влекло за собой *C*, и было нечто, что агент мог по доброй воле сделать или отказаться делать, что могло бы повлиять на то, произошло бы *C* или нет; и

¹¹Здесь и далее вставки в квадратных скобках внутри цитат принадлежат Кейну. — *Прим. ред.*

- ◇ *выполняется условие П (предельная)*: для каждого X и Y (где X и Y — случаи и/или состояния) если агент персонально отвечает за X и если Y является достаточным основанием (почвой, или причиной, или объяснением) для X (исходя из релевантных закономерностей), то агент должен также быть персонально ответственным за Y .

Я не берусь здесь связать воедино все части данного определения, но сфокусируюсь на ключевых моментах. О (ответственность) — основная составляющая определения, П (предельная) — рекурсивная часть. О, согласно определению, устанавливает минимально необходимое (но недостаточное) условие «ответственности» агента за что-то произошедшее, — иными словами, постулирует факт, что нечто, что агент намеренно (по доброй воле и собственному желанию¹²) сделал или не сделал, имеет какое-то отношение к делу. П идет дальше, требуя для соблюдения условия «предельной» ответственности — чтобы агент также отвечал за нечто, являющееся «достаточным основанием» (подоплекой, причиной или объяснением) того, за что агент в ответе. Если предшествующие событию условия и законы природы (или имеющиеся на момент действия характер и мотивы) обеспечивают достаточное основание или объяснение действия, тогда, для признания агента предельно ответственным, необходимо признать его также ответственным (в смысле О) хотя бы за некоторые из этих объясняющих предшествующих условий, черт характера или мотивов. Нечто, сделанное или не сделанное агентом по собственной воле, должно было повлиять на ситуацию тем или иным образом.

Это определение отражает точку зрения, к которой я продвигался на протяжении прошедшего десятилетия: согласно ей, понятие «предельной ответственности», принципиально важное для свободы воли, неразрывно связано с традиционным представлением о «достаточном основании» (sufficient reason)¹³. Достаточные основания, в свою очередь, бывают

¹² «По доброй воле», в свою очередь, означает «осознанно» и «целенаправленно»; а «по собственному желанию» значит «без принуждения» и «не компульсивно».

¹³ См.: Kane, 1986: . В этой статье можно ознакомиться с логическим и историческим анализом традиционного представления о «достаточном основании» (sufficient reason), а также узнать о связанных с этим понятием в истории философии принципах достаточного основания, недостаточного основания (insufficient reason), безразличия (indifference), полноты (plenitude) и других.

трех видов (здесь я отчасти следую за Шопенгауэром¹⁴): (I) (логически) достаточные *условия*, (II) достаточные *причины* (т. е. предшествующие обстоятельства плюс законы природы) и (III) достаточные *мотивы*. Первые два вида влекут за собой то, для чего являются причинами. Третий вид — достаточный мотив — относится к действиям и достаточен в том смысле, что при реализации мотива действие, к которому ведет этот мотив, будет совершаться агентом по доброй воле (намеренно и по желанию) и будет не совершено только против воли.

В целом, под выполнением условия ПО подразумевается, что если агент предельно ответственен за действие, действие *не может иметь* никакого *достаточного основания*, за которое агент также не был бы в ответе. Сравните с утверждением Аристотеля: если человек несет ответственность за дурные поступки, причиной которых является его характер, значит когда-то в прошлом он должен был отвечать за обстоятельства, из-за которых стал таким, какой он есть. Или вспомните аргумент Плотина против стоиков: если единственный источник или причина (*первопричина*) наших действий были не в нас, а в каких-либо условиях, ни одно из которых не было произведено нами, мы не можем быть ответственными за них (Aristotle, Ross, 1952: 13–22; Plotinus, Katz, 1950: 60–62)¹⁵. Таким образом, ПО призвана выразить известное представление о том, что мы (по крайней мере, в какой-то степени) — окончательные «вершители своих судеб» и «капитаны собственных душ».

Возникает ощущение, будто ПО прямо подразумевает инкомпатибилизм, но это не совсем так. Скорее, речь о том, что удовлетворение условия ПО требует *либо* бесконечного регресса ответственности агента за поступки¹⁶, *либо* того, чтобы поступки, за которые агент отвечает, не имели достаточных оснований из числа обстоятельств, находящихся за пределами самих поступков (и, таким образом, в них не было бы достаточных причин). Если мы принимаем правдоподобное предположение, что вариант бесконечного регресса противоречив (или, по меньшей

¹⁴См.: Schopenhauer, Hillebrand, 1889. Три значения, о которых я говорю, соответствуют трем из четырех оснований Шопенгауэра, за исключением того, что он тенденциозно интерпретирует достаточный мотив как особый случай достаточной причины. Его четвертое основание базируется на кантовской концепции пространства и времени, и у него нет общей значимости за пределами шопенгауэровской интерпретации Канта.

¹⁵О том, что говорит Аристотель о ПО, можно прочесть здесь: Sorabji, 1980. По Плотину и другим авторам античности: White, 1985.

¹⁶Точнее сказать, регресса ответственных действий или добровольных бездействий.

мере, не подходит для конечных агентов), то тогда у нас есть следующий аргумент в пользу инкомпатибилизма: если свобода воли требует ПО (предельной ответственности) и если свобода, требующая ПО, одновременно имеет смысл и выполнима (т. е. исключает бесконечный регресс), тогда свобода воли несовместима с детерминизмом (поскольку некоторые ее проявления не могут иметь достаточных оснований).

Проблема в том, что обе стороны дизъюнктивного суждения, заключенного в ПО, могут быть равно невыполнимыми. Бесконечный регресс ответственных действий или желаний кажется невозможным. Но приемлема ли альтернатива? Могут ли в принципе существовать *ответственные* действия, предварительно подготовленные и контролируемые самими агентами, но не имеющие достаточных оснований из числа обстоятельств, находящихся вне данного действия, и даже без оснований, кроющихся в чертах характера и мотивах тех, кто совершает их? Такие действия будут недетерминированными (поскольку они не обладают достаточными основаниями), что означает, что в их возникновении есть элемент случайности. И существуют известные проблемы в примирении случая или индетерминизма с ответственностью и контролем, необходимыми для подлинно свободных действий.

Отдавая себе отчет в существовании подобных сложностей, большинство современных философов, рассматривавших принцип предельной ответственности в той или иной форме, — Стросон, Кляйн, Дабл, Нагель, Уотсон, Вольф и другие — обращались к нему лишь для того, чтобы отказаться от него как от невыполнимого условия (G. Strawson, 1986; Klein, 1990; Double, 1991; Nagel, 1987: ch. 7; Watson, 1987; Wolf, 1990: ch. 3). Кажется, что ПО предоставляет выбор: *бесконечный регресс* или *случайные предпосылки*, но и то, и другое выглядит неприемлемым. Аргумент в пользу инкомпатибилизма, приведенный ранее в связи с рассуждениями о ПО, таким образом, всего лишь подчеркивает значимость вопроса осмысленности. Если свобода воли требует ПО и *если* свобода, требующая ПО, *осмысленна* и *возможна*, то свобода воли несовместима с детерминизмом. Но осмысленна ли и возможна ли свобода, требующая ПО? Если нет, то ПО упрощает восхождение на гору под названием Инкомпатибилизм, но лишь посредством признания невозможности спуска.

V

(7) *Значимость и ценность*. Смещение фокуса на обсуждение ПО в дебатах на тему свободы воли повлекло за собой повышение внимания

к проблеме значимости, а также совместимости. Здесь неизбежно возникает вопрос: зачем кому-либо нужна свобода, требующая ПО, или почему она *имеет смысл*? Чем так важна эта предельная ответственность, чтобы быть необходимой для свободы воли? В истории философии (с тех пор, как «предельная ответственность» в принципе получила признание) стандартные ответы на подобные вопросы выглядели следующим образом. Считалось, что предельная ответственность — предпосылка для других явлений, крайне высоко оцениваемых людьми. Среди таких явлений: (I) «истинная» *креативность*; (II) *автономия* (самоконтроль) или *самосозидание*; (III) «подлинная» *заслуженность достижений*; (IV) *моральная ответственность* в предельном смысле; (V) возможность быть объектом такого *отношения*, как восхищение, признательность, возмущение и негодование; (VI) истинное чувство *собственного достоинства* и *самооценка*; (VII) подлинное ощущение *собственной индивидуальности* и *неповторимости*; (VIII) *надежды и чаяния, невозможные без веры в будущие возможности*; (IX) истинная (бескорыстная) *любовь* и *дружба* между людьми (или, в религиозном контексте, бескорыстная любовь к Богу); и (X) возможность в самом полном смысле сказать, что «люди действуют *по своей собственной свободной воле*»¹⁷.

Мало кто усомнится в важности большинства из перечисленных пунктов. Но все ли из них — от (I) до (X) — на самом деле требуют «предельной ответственности»? Критики инкомпатибилизма говорят «нет» и пытаются определить такие категории, как автономия, заслуги, моральная ответственность, креативность и достоинство «на основании свободной воли», без привлечения столь таинственных вещей, как предельная ответственность или инкомпатибилистская свобода воли. На деле некоторые из лучших философских работ, написанных компатибилистами с 1970 г., были посвящены анализу всех обозначенных пунктов — от (I) до (X)¹⁸. Впоследствии компатибилисты стали приводить аргумент, что инкомпатибилисты «разоблачили» себя посредством

¹⁷Во многих работах эти явления обсуждаются в связи с инкомпатибилизмом. Среди таких работ последнего времени особо отмечу три: Anglin, 1990; Honderich, 1988; Nathan, 1992. Натан говорит о свободе воли в связи со своим интересным видением метафизических вопросов как включающих конфликты желаний и убеждений.

¹⁸Несколько прекрасных сборников содержат некоторые из этих работ: Free Will, 1982; Moral Responsibility, 1986; The Inner Citadel, 1989. См. также: Audi, 1991; Benson, 1987; Bishop, 1989; Dworkin, 1988; Haworth, 1986; Kapitan, 1989; Slote, 1980; Stampe, 1992; Young, 1986; Zimmerman, 1984.

введения таких уточнений, как «подлинный» и «истинный» перед «автономией», «моральной ответственностью», «креативностью» и проч., поскольку под «подлинностью» и «истинностью» применительно к автономии, моральной ответственности и т. п. инкомпатибилисты всего лишь подразумевают качество, требующее предельной ответственности или индетерминизма. Они совершают ошибку предвосхищения основания.

Это еще одно из мест, где дебаты о свободе воли часто оказываются в тупике. И я считаю, что здесь, как и во всех подобных случаях, единственным вариантом продвижения вперед будет более глубокий анализ конфликтующих представлений, лежащих в основе разногласий (очередное приглашение заглянуть в неисследованный ход лабиринта свободы воли). В данном случае я предлагаю более глубокое погружение в вопрос о том, почему предельная ответственность имеет смысл. Мои последние соображения по этому поводу (они будут обнародованы в новой книге) идут в несколько необычных направлениях. К сожалению, я не смогу изложить здесь все мысли по этому поводу, но скажу несколько слов об одной из линий рассуждений, — это поможет объяснить, почему разногласия по поводу значимости предельной ответственности столь глубоки и трудноустранимы.

Я думаю, что предельная ответственность связана с другим явлением, которое в одной из работ я назвал «объективной ценностью»¹⁹. Чтобы понять, что такое «объективная ценность», давайте рассмотрим историю об одном художнике — Алане. Алан был очень подавлен, и, чтобы приободрить его, его состоятельный друг разработал план. Он инсценировал ситуацию, в которой люди (под вымышленными именами) купили в местной арт-галерее работы Алана по цене 10,000 \$ за каждую. Алан ошибочно заключил, что его картины были признаны известными критиками и коллекционерами за их художественную ценность, и воспрял духом. А теперь давайте представим себе два возможных мира Алана. Один из них — только что описанный: в нем Алан думает, что он великий художник, что он по праву признан таковым, но на деле это не так. Другой мир подобен первому, здесь практически все то же самое, включая его веру в то, что он великий художник. Но в этом втором мире он и в самом деле великий художник и действительно признан таковым; дело не в том, что его богатый друг обманул его, чтобы поднять его дух. В конечном итоге представим себе, что в каждом из этих

¹⁹См. четвертую главу в книге: Кане, 1993. В этой главе данное понятие обсуждается в связи с этическими вопросами и теорией ценностей.

двух миров Алан умирает, преисполненный веры в то, что он — великий художник, несмотря на то, что лишь во втором мире эта уверенность имеет под собой реальные основания²⁰.

Мы начинаем понимать, что такое объективная ценность, когда появляется вопрос: «есть ли разница для Алана, в каком из двух миров он живет?» Говоря, что для Алана есть существенное различие в ценности двух миров, даже если он никогда не узнает, в каком из них он находится, и будет *чувствовать* себя равно счастливым в любом из них, мы утверждаем существование принципа *объективной* ценности. Одно из следствий этого принципа — это факт, что субъективное ощущение счастья — не единственный критерий оценки. Чтобы понять, что значит объективная ценность для Алана, мы должны попросить его мысленно оказаться вне этих миров, принять то, что Нагель называет «объективной точкой зрения», и сравнить эти два мира (Nagel, 1987). Разумеется, мы могли бы представить и третий мир, в котором Алан введен в заблуждение, как и в первом, притом он узнает об этом. И, определенно, это будет худший из всех трех миров. Однако тот факт, что третий вымышленный мир — худший из трех, никоим образом не изменит суждения Алана о том, что первый мир, где его разыграли (и он никогда не узнает об этом), хуже второго мира, где его представления совпадают с действительностью. Это говорит о том, что объективная ценность кое-что значит для Алана, равно как значила бы для любого из нас, кто счел бы оскорбительным, если бы ему сказали: «твои рисунки (или литературные произведения, или любые другие достижения) на деле ничего не стоят; ну и что — тебе же нравится их создавать; это все, что имеет значение».

Могут предположить, что принцип предельной ответственности — явление примерно того же порядка, что и принцип объективной ценности. Если, как и Алан, мы думаем, что объективная ценность наших действий или достижений — это нечто более важное, чем чувство удовлетворения от того, что мы просто что-то делаем, то, полагая, мы будем думать, что свобода, требующая предельной ответственности, —

²⁰Философы увидят взаимосвязь примера с Аланом и хорошо известного примера с «машиной по производству опыта» (experience machine) Роберта Нозика (Nozick, 1974: 18). Эта взаимосвязь не случайна, поскольку «машина опыта» Нозика — еще один вариант описания идеи объективной ценности. Но я использую пример с Аланом здесь и несколько других примеров в ранее упомянутой книге для того, чтобы показать некоторые другие аспекты идеи объективной ценности, не обсуждаемые Нозиком.

это нечто более важное, чем компатибилистская свобода от принуждения, насилия и притеснения. В случае максимального присутствия этих видов свободы нет никаких ограничений и препятствий, которые могли бы помешать нам делать то, что хотим, и обладать тем, чем хочется. Этих видов свободы было бы достаточно, если бы мы не заботились ни о чем, кроме того, что доставляет нам удовольствие — т. е. если бы нам, как и Алану, для полной удовлетворенности не нужны были бы чувство собственной ценности и достоинства. Достойны ли объективного признания, уважения, любви или похвалы — таких, как Алан хотел для своих картин, — наши поступки и действия, наши достижения и мы сами? Это — тот вид заботы об объективном достоинстве наших действий и характеров, который естественным образом ведет к рассуждениям о том, имеют ли эти действия и особенности абсолютные источники скорее внутри нас, чем в ком-либо или чем-либо еще (Божьем промысле, наследственности или среде, социальных условиях или специалистах в области поведенческих технологий). Отражаются ли последние на нас существенным образом? Ответ на этот вопрос не имеет отношения к обычному субъективному ощущению счастья, однако он связан с объективной значимостью наших «я» и наших жизней²¹.

Если, напротив, объективная ценность ничего не значит для нас или не имеет смысла, если мы верим, что в конечном итоге для Алана или любого другого все зависит от того, что происходит *внутри* миров, где субъективное ощущение счастья — это все, что имеет значение (даже если оно основано на заблуждении относительно объективной ценности деяний или жизни), — скорее всего, мы не увидим смысла или ценности также и в предельной ответственности, а, следовательно, и в инкомпатибилистской свободе. Поскольку предельная ответственность, как и объективная ценность — это не просто о том, как получить то, что мы хотим, но больше о том, как быть достойными того, что мы получаем. И это — важный рубеж, граница, за которой начинается свобода воли; а сторона, на которой мы находимся — в большей степени вопрос установки или (как я ранее назвал это) «притязаний», нежели вопрос знания. Те, для кого объективная ценность неважна или недостижима (возможно, они разделяют популярный ныне скептицизм по поводу

²¹Мне хорошо известно, что понятие объективной ценности проблематично. Относительно него есть важные вопросы, не обсуждаемые здесь. Как, например, вообще может существовать нечто подобное? Каким образом мы можем узнать о его существовании? Этих вопросов я касаюсь в работе Кане, 1993.

«объективности» в чем бы то ни было), разумеется, будут удивляться, что за суета вокруг всей этой предельной ответственности, в то время как те, кто признает важность и достижимость этой категории, станут недоумевать, как некоторые могут быть индифферентными к обсуждениям данного вопроса. Деннет прав, когда утверждает, что вопрос в том, какую из свобод «стоит хотеть». Но, отвечая на этот вопрос, он и другие компатибилисты «ставят ударение» на слове «хотеть», в то время как инкомпатибилисты вроде меня большее значение придают слову «стоит».

VI

(8) *Условия множественности.* Теперь давайте обратимся к вопросу осмысленности. Предельная ответственность и объективная ценность могут быть важны для некоторых из нас, так же как и инкомпатибилистская свобода воли. Но это утверждение может лишь привести нас к вершине горы. Далее перед нами встает не менее впечатляющая проблема спуска. Можем ли мы постичь свободу, требующую предельной ответственности? Возможна ли инкомпатибилистская свобода? Если нет — то нет и смысла к ней стремиться.

Для тех, кто уверен, что инкомпатибилистская свобода не имеет смысла, «корень зла» — требование *индетерминизма*. Если свободные выборы недетерминированы, они должны допускать другие варианты развития событий, а не только те, что имели место *в условиях ровно тех же самых прошлых обстоятельств и законов природы*. Нет легкого способа обойти это жесткое требование: это очевидное следствие отказа от утверждения, что свободные выборы детерминированы. Но почему индетерминизм подобного рода является проблемой? Проще всего ответить на этот вопрос при помощи примера. Представьте, что вы выбираете между двумя или более опциями: где лучше провести отпуск — на Гавайях или в Колорадо (или в Европе, или где-то еще). Это решение важно для вас и вы долго его обдумываете. Рассматриваете всевозможные последствия каждого из вариантов, представляете себе принципиально разные сценарии, обращаетесь к брошюрам, заглядываете в банковские счета, учитываете всевозможные пожелания и интересы, вспоминаете глобальные замыслы. В конечном итоге вы приходите к выводу, что лучше всего подходят Гавайи. Вы все взвесили; решено: вы выбираете это место.

Если же выбор не был детерминирован, то вы могли выбрать другое место (допустим, Колорадо) с учетом ровно тех же прошлых обстоятельств (и законов природы), определивших ваш реальный выбор — Гавайи. Это значит, что *ровно то же самое предварительное обдумывание*, вследствие которого вы решили, что Гавайи — по всем пунктам лучший выбор, могло обернуться предпочтением Колорадо; ровно те же обдумывания и аргументирования, те же мысленные сценарии и учет последствий, те же убеждения, желания и прочие мотивы, что привели к решению о Гавайях (никакой разницы), могли бы кончиться предпочтением Колорадо. Это выглядит, по меньшей мере, странно. Даже если бы такое *могло* случиться, выбор Колорадо выглядел бы случайностью, полной неожиданностью, непредсказуемой и иррациональной, обусловленной теми же самыми предпосылками, что на деле привели вас к предпочтению Гавайев.

Разумеется, мы можем представить, что вы выбираете иной вариант, предсказуемо и рационально, *если* что-то в ваших прошлых размышлениях было иным, если у вас другие убеждения и желания, если вы представляете другие сценарии, учитываете другие последствия, и все это делает для вас Колорадо более предпочтительным, нежели Гавайи. Вот на чем обычно настаивают компатибилисты: что нечто в вашем прошлом, имеющее отношение к выбору, каким-то образом отличалось от имеющегося стечения обстоятельств. Но компатибилисты не принимают условие индетерминации, гласящее, что альтернативный выбор может происходить при наличии ровно тех же самых предшествующих обстоятельств. По мнению критиков индетерминизма, это условие превращает свободные выборы в непредсказуемые (импульсивные или спонтанные), совершаемые вопреки ожиданиям и без достаточных оснований. Но если *все* свободные выборы осуществлялись бы таким образом (как представлял «подпольный человек» Достоевского), могли ли бы мы сказать, что именно это называем свободой выбора?

Для рассмотрения вопроса в более широком контексте необходимо обратить внимание на то, что проблема упирается в «выбор другого варианта». Выбрать Колорадо было бы непредсказуемо, случайно, иррационально — при наличии критериев и рассуждений, подобных тем, что привели к предпочтению Гавайев. Но реальный выбор — Гавайи — не мыслится нами как иррациональный, непредсказуемый и случайный. Более того, вывод о том, что выбор Колорадо был сделан неожиданно и иррационально — лишь следствие предположения, что выбор Гавайев был рациональным и обоснованным. Следовательно, индетерминизм

не исключает *однаправленную* рациональность и предсказуемость; у индетерминизма имеются проблемы с *множественными* или *более-чем-однаправленными* рациональностью и предсказуемостью. Кажется, мы хотим от свободного выбора возможности идти более чем одним путем (выбирать Гавайи, или Колорадо, или Европу, или что угодно) — рационально, целенаправленно и добровольно, вовсе не по случайности, при условии одних и тех же предварительных рассмотрений и обдумываний. Другими словами, нам нужно удовлетворение «условий множественности» выбора — мы хотим, чтобы наш свободный выбор был рациональным, целенаправленным и добровольным, *что бы мы ни выбрали*.

Одним из легких способов избавиться от условия индетерминизма в этом смысле могло бы быть простое отрицание этих условий множественности. Чего не хватает свободе воли в однаправленной рациональности, целенаправленности и добровольности? Зачем требовать более-чем-однаправленных версий? К сожалению, этот незамысловатый «однаправленный» ответ критикам индетерминизма слишком прост. Обычно он не рассматривается как адекватный ни сторонниками инкомпатибилизма, ни их противниками. Почему? Кажется, мы обладаем сильными интуициями об условиях множественности в отношении к индетерминизму. Представим снайпера, целящегося в жертву из винтовки. Его главное устремление — убить жертву; он намерен это сделать и прилагает к этому усилия. Однако исход дела не определен. Неконтролируемое вздрагивание, вызванное недетерминированным событием в мозге или нервных окончаниях, могло бы привести к промаху. Промах в таком случае не был бы обусловлен желанием, и контроль бы это не подавалось; так получилось бы по случайности, против воли стрелка. Так, когда воля и контроль однаправленны, индетерминизм просто расстраивает планы или *создает помехи* для свободы агента делать то, что он хочет делать. Если бы его не было, свободы и контроля у агента было бы больше. Думаю, это объясняет широко распространенную интуицию о том, что однаправленного, рационального, преднамеренного и добровольного контроля в сочетании с индетерминизмом недостаточно для свободы воли. Я также уверен в том, что у этих интуиций есть более глубокие основания, и инкомпатибилисты не могут их игнорировать; можно проследить, что представления эти вытекают

из ПО — предельной ответственности (однако мы не будем здесь на этом останавливаться).

VII

(9) *Расколота воля и несопоставимые причины.* Размышляя о свободе воли, мы не можем просто опустить условия множественности (более-чем-однаправленную рациональность, преднамеренность и контроль). Сложность в том, что индетерминизм влечет проблемы для этих условий. С моей точки зрения, и множественность, и индетерминизм выступают необходимыми условиями для предельной ответственности, но они конфликтуют между собой. И этот конфликт принципиален в спорах об осмысленности.

Первым важным шагом в попытке пробраться через эту чашу будет признание того факта, что свобода воли возникает в обстоятельствах, где воля свободного агента глубоко расколота конфликтующими мотивами. Один мощный «набор» мотивов влечет агента в одном направлении, в то время как другой, иного плана и несопоставимый набор мотивов требует движения в противоположном направлении. В подтверждение этого факта в одной из прошлых книг о свободе воли (Kane, 1985: ch. 5) я назвал наличие «несопоставимых мотивов» внутри сознания агента непременным условием, предпосылкой первичных актов свободы воли; последние я называю сейчас «формирующими самость действиями» (ФСД). Это свободные акты агента, которые *одновременно* должны быть недетерминированными и при этом множественно рациональными, соответствующими намерениям и добровольно контролируруемыми. Не все наши свободные действия должны быть «формирующими самость» в этом смысле, но некоторые действия из истории нашей жизни обязаны были быть такими, если мы хотим утверждать, что хоть за что-либо из того, что сделало нас такими, какие мы есть, мы были «предельно» ответственными. На формирующих самость действиях «фишка останавливается»²². Если идея несопоставимых наборов оснований является принципиальной для ФСД — значит, она обладает той же первостепенной значимостью и для непротиворечивого понимания свободы воли.

²²Фраза из обихода игроков в покер «фишка дальше не идет» («the buck stops here»), указывающая на того человека, который принимает окончательное решение и берет на себя предельную ответственность, снискала особенную популярность, став девизом Гарри Трумэна, одного из американских президентов: табличка с этой надписью многие годы украшала его кабинет. — *Прим. пер.*

Согласно моим нынешним представлениям, имеются формирующие самость действия по меньшей мере шести типов²³. Однако целесообразно сфокусироваться на двух важных и общеизвестных типах — моральном и прагматическом выборе — посредством обсуждения их отличительных признаков. Представим себе женщину, которая направляется на важное финансовое совещание и по пути становится свидетельницей нападения в узком переулке. Должна ли она остановиться и позвать на помощь, или лучше как ни в чем не бывало продолжать путь — чтобы не пропустить мероприятие, крайне значимое для ее карьеры? Или рассмотрим случай инженера, который находится в процессе лечения от алкогольной зависимости и при этом старается спасти карьеру. Работая поздно ночью в стрессовом режиме, он испытывает огромный соблазн выпить, чтобы продолжить работу. Женщина имеет дело с моральным конфликтом, инженер — с конфликтом прагматическим. Но в обоих случаях они разрываются между альтернативными мотивами разного и трудно сопоставимого качества. С одной стороны — ее моральные принципы, с другой — стремление к успешной карьере. С одной стороны — его мощное влечение к выпивке и желание ослабить напряжение, с другой — стремление побороть зависимость и изменить образ жизни.

Как мы можем расценивать их выборы в этих обстоятельствах, при условии недетерминированности, к тому же с учетом множественной рациональности, преднамеренности и добровольности? В обоих случаях они должны приложить усилия воли для того, чтобы действовать морально или благоразумно против сильного искушения поступить иначе. Что сможет объяснить успех или провал этих усилий? Предположительно, наличествующие черты характера и мотивы: волевой человек преодолет соблазн, безвольный — не устоит. Но тогда трудно не согласиться с тем, что если наличествующие на момент действия черты и мотивы определяют успешность усилий и выбор, для ПО будет необходимо, чтобы агенты отвечали за формирование характера и мотивов посредством осуществления предыдущих выборов и приложения усилий в прошлом. В результате мы снова говорим о регрессе. Но можно остановить этот регресс — если следующий сценарий имеет смысл. Выбор в ситуациях морального и прагматического конфликта тем или

²³(1) моральные выборы или решения; (2) прагматические выборы или решения; (3) практические суждения (о том, что есть добро и зло, или о том, что должно быть); (4) намерение, влекущее за собой действие (intention in action); (5) усилия воли по поддержанию целей; (6) усилия внимания, направленные на самоконтроль и самоизменение.

иным образом завершает усилие (по противостоянию соблазну). Что требуется — так это ситуация, в которой выбор не объясняется исключительно наличествующим характером и мотивами, или наличествующим характером и мотивами плюс усилием, *даже если наличествующие характер и мотивы могут объяснить усилие*. Если это условие удовлетворено, имеющиеся характер и мотивы агента в любом случае будут влиять на выбор, не детерминируя его. Но как подобное условие может быть удовлетворено и как может быть объяснен совершенный выбор?

Ответ состоит из двух частей. Первая — о том, *как* наличествующие характер и мотивы могут объяснить результат усилий в случаях морального и прагматического выбора. Они могут объяснить его посредством описания *одновременно* (I) причин и черт, отвечающих за попытки агента противостоять соблазнам, противоречащим законам морали и прагматическим соображениям, и (II) эгоистических причин или имеющихся склонностей, затрудняющих противостояние соблазнам. Другими словами, комплекс имеющихся на конкретный момент мотивов и характера объясняет *конфликт* воли агента *с двух сторон*: он объясняет, почему агент прилагает усилие, чтобы преодолеть сопротивление, *а также* почему это является *усилием*. Иначе говоря, внутренний конфликт воли основывается непосредственно на имеющихся причинах и мотивах, и, благодаря этому факту, при помощи этих наличествующих на момент действия причин и мотивов можно объяснить конфликт и борьбу без необходимости объяснения их последствий.

(10) *Недетерминируемые волевые усилия*. Теперь приступим ко второй части ответа на вопрос — здесь нужно рассмотреть «волевое усилие» (необходимое для противостояния моральным или прагматическим искушениям), которое разворачивается между характером и мотивами, с одной стороны, и осуществляющимся выбором — с другой. Предположим, что это волевое усилие, предшествующее выбору, недетерминируемо, — следовательно, неопределенным будет и выбор, завершающий его. Рассмотрим аналогию с элементарными частицами. Представьте себе изолированную частицу, например, электрон, движущуюся по направлению к тонкому барьеру. Не детерминировано, удастся ли частице преодолеть барьер или нет. Есть вероятность, но нет уверенности, что она преодолет его, поскольку ее позиция и импульс не могут быть определены одновременно, пока она движется по направлению к барьеру. Представьте, что выбор — преодоление соблазна — подобен преодолению

барьера. Выбор того или другого варианта не детерминирован, поскольку процесс протекания выбора и потенциальное завершение его (т. е. усилие воли по преодолению соблазна) индетерминантны.

Однако такой пример с частицами — всего лишь аналогия. Наши волевые усилия скорее отсылают нас к сложным процессам внутри мозга: это макро-процессы, где задействовано множество нейронных импульсов и взаимосвязей. Как они могут быть индетерминантными? Один из вариантов развития мысли может быть таким: представим, что нейронные процессы, сопровождающие волевые усилия, — это хаотические процессы в смысле представлений, которые сегодня принято называть «теорией хаоса». В хаотических системах каждое малое изменение в исходных условиях вырастает по экспоненте в огромные различия «на выходе» — этот феномен называется «чувствительность к исходным условиям». Сейчас широко известна повсеместность хаотических систем в природе и стремительно растет интерес к хаотической мозговой деятельности разного уровня — от передачи импульсов по нервным волокнам до функционирования нейронных сетей и общих паттернов электромагнитного излучения мозга²⁴.

Но хаотическое поведение, несмотря на непредсказуемость, не обязательно недетерминируемо. На деле, теория хаоса показала, что детерминизм и предсказуемость не обязаны «ходить рука об руку». Однако, как в последнее время констатируют такие философы и ученые, как Джеймс Гарсон, Джесси Гоббс, Генри Стэп, Джордж П. Скотт и Стивен Келлерт (Garson, 1993; Hobbs, 1991; Kellert, 1993; Scott, 1991; Stapp, 1990), теория хаоса может внести изменения в представления и дискуссии о свободе выбора — достаточно включить в картину мира представление о недетерминированности частиц. По выражению Гарсона:

Хаотические системы по определению являются усилителями возмущений. Они могут нейтрализовывать общее правило, гласящее, что квантово-механические неопределенности взаимно уничтожаются на макро-уровне. Поскольку хаотические события чрезвычайно зависимы от очень малого, то действия субатомных частиц на крайне малом отрезке пространственно-временного континуума могут «вылиться» в огромные различия на глобальном уровне. Если мы рассматриваем мозг как хаотическую систему, которая усиливает недетерминированные субатомные события, тогда хаотическая непредсказуемость

²⁴Об этом см.: Babloyantz & Destexhe, 1985; Dissipative Structures..., 1980; Glass & Mackey, 1988; Skarda & Freeman, 1987.

более не относится к эпистемологии. Она относится скорее к метафизике — или вовсе к физике (Garson, 1993: 4).

Скотт соотносит эту возможность с современными разработками в области неравновесной термодинамики, доказывая, что «волны потенциалов действия на тончайших мембранах нервных клеток, являющиеся наиболее фундаментальной контролирующей деятельностью в человеческом поведении» суть феномен неравновесной термодинамики того типа, что может усиливать индетерминантные события на микро-уровне (Scott, 1991: 266–267)²⁵.

Особый интерес представляет потенциальное влияние хаотических усилений на работу нейронных сетей. Функционирование таких сетей «холистично» в том смысле, что, по выражению Гордона Глобуса, «влияние всей сети» нейронов сказывается на каждом «отдельном узле [т. е. на каждом отдельном нейроне], и влияние каждого отдельного узла [распространяется] на всю сеть» (Globus, 1992)²⁶. Как следствие, такая сеть может быть чувствительна к изменениям импульсной активности отдельных нейронов. Как говорит Глобус: «Произведите небольшие изменения в силе связи между элементами [потенциалы возбуждения и торможения нейронов]», и все функционально изменится [в нейронной сети] по причине нелинейных взаимодействий [...] сеть самоорганизуется спонтанно и вероятностно. Подобным образом самоорганизация сети может влиять на потенциалы возбуждения ее отдельных узлов. Имеют место реципрокные влияния частей на целое и целого на части. Пластичность, которую такие реципрокные влияния демонстрируют в нейронных сетях, дает мозгу возможность оригинально отвечать на непрерывно меняющуюся окружающую обстановку и является одной из причин современного неугасающего интереса к нейронным сетям.

Теперь представим в качестве рабочей гипотезы, что индетерминантные усилия воли, задействованные в ситуации морального или прагматического выбора, являются сложными хаотическими мозговыми процессами, включающими нейронные сети, сенситивные к квантовым неопределенностям на нейронном уровне. Феноменологически, в собственном опыте, люди переживают эти сложные процессы как

²⁵В связи с этим см. также: Showalter et al., 1979.

²⁶См. также: Huberman & Hogg, 1987. В этой работе показано, что хаос существует в сетевых нейронных моделях, созданных для моделирования простых ментальных способностей человека. За эту ссылку я признателен Джеймсу Гарсону; также его заслугой является часть информации в примечании о шести типах ФСД.

«усилия воли», совершаемые ими для преодоления соблазнов в ситуациях морального и прагматического выбора. Усилия, в свою очередь, спровоцированы конкурирующими мотивами и конфликтами «внутри» воли, описанными в пункте (9). Эти конфликты создают напряжение, отражающееся в соответствующих участках мозга путем дальнейшего движения от равновесного состояния, что увеличивает чувствительность по отношению к микро-неопределенностям на нейро-уровне и увеличивает эти неопределенности на всем протяжении сложного макро-процесса, который *в целом* является волевым усилием. Агенты переживают эти моменты поиска и переоценки как проявления внутренней борьбы и неуверенности в том, что следует делать дальше, что и отражается в недетерминированности на нейро-уровне.

Теперь можно добавить, что в тот момент, когда принимается решение и индетерминантное усилие становится детерминированным выбором, человек дает одной группе причин или мотивов взять верх над второй путем *принятия решения*. Надо признать, что «волевой» вариант (преодоление соблазна) и «безвольный» (уступка или капитуляция перед соблазном) не симметричны, если агент старается преодолеть искушение. При этом обе опции желанны, и, посредством принятия решения, агент установит, чего он хочет *больше*. Если бизнес-леди и инженер преодолеют соблазн, они это сделают благодаря собственным усилиям. Если они потерпят фиаско — то потому, что не *позволили* усилиям взять верх. Значит, вместо этого они выбрали другое — позволили взять верх эгоистичным наклонностям или сиюминутным интересам.

При таком сценарии условия множественности будут удовлетворены. Во-первых, потому, что, какой бы вариант ни был выбран, у агентов на это есть причины (моральные или прагматические основания с одной стороны либо эгоистичные устремления и мотив удовлетворения сиюминутных потребностей — с другой); они действовали во имя этих причин и, выбрав эти причины, позволили им доминировать (множественная рациональность). Во-вторых, они сделали это сознательно и целенаправленно, какой бы выбор ни был сделан (отсюда — множественная интенциональность). Верно и то, что до момента выбора у них не было намерения остановиться именно на том варианте, который в итоге был выбран (допустим, скорее *A*, чем *B*, или наоборот). Но перед началом процесса они намеревались выбрать одно *или* другое (*A*-или-*B*). И так всегда происходит с выборами — неважно, детерминированными или нет. Скажем, выбор *A* интенционален (сделан осознанно и целенаправленно) благодаря предшествующей интенции выбрать из числа опций,

включающих A , но не из-за приоритетного намерения выбрать непосредственно этот A ²⁷. Это — один из тех случаев (отмеченных авторами, исследующими интенциональные действия, — Братман, Меле и др.), где действие может быть намеренным при отсутствии предварительной интенции совершить именно это действие.

В-третьих, такие выборы могут быть добровольными, как бы они ни осуществлялись в смысле отсутствия принуждения и навязанных обязательств. Если усилие воли, необходимое для преодоления соблазна в моральном или прагматическом смысле, индетерминантно, то итог тем более не определен. Агент может преуспеть в преодолении соблазна, а может потерпеть неудачу. Но это будет значить, что «слабовольные» (эгоистические или неблагоприятные) мотивы преодолимы, даже если агенты поступают согласно им. А если эгоистические и неблагоприятные мотивы преодолимы, то и «слабовольный» выбор не является в полной мере вынужденным или непреодолимым. Агенты могли бы преуспеть в преодолении соблазна, т. е. «могли бы поступить иначе» во вполне определенном инкомпатибилистском значении слова «мочь». Ни один из исходов выбора не определен, но любой из них осуществляется по воле агента.

VIII

Возражение № 1: «Но если мозговой процесс, соответствующий усилию, индетерминантен на макро-уровне, то будет крайне трудно получить подтверждение тому, что результат в большей степени является следствием действий агента, чем просто делом случая. Проверив состояние мозга, нейрочеловеки не найдут ничего, кроме клеточной ассамблеи, в которой индетерминированности на микро-уровне существенны. Этот процесс, в свою очередь, приведет либо к какой-то определенной последовательности нейронной активности, связанной с „выбором“ преодолеть соблазн, либо к другому комплексу нейронной активности, соотносимо с „выбором“ сдать. Однако почему именно случилось так или иначе, с точки зрения предшествующего выбору процесса объяснить будет невозможно. Можно оценить процент вероятности — только и всего»²⁸.

²⁷Если бы такое намерение существовало, дальнейшие размышления были бы излишни.

²⁸Обсуждаемые здесь возражения составлены из замечаний некоторых проницательных критиков моих воззрений. Я несказанно благодарен им за помощь в уточнении моих позиций. Среди них: Double, 1991; Waller, 1988; Bernstein, 1989; Bernstein, 1995; O'Connor, 1992; O'Connor, 1993a; Tatbott, 1986; Posth, 1990; Tracy, 1990; Globus, 1992; Williams, 1986; Mele, 1995. Статья Watson, 1987 также содержит несколько возражений, адресованных

Я согласен, что если бы физические описания этих событий были единственно возможными, тогда свобода воли выглядела бы как случай, вероятность — и ничего более. Все, что удалось бы получить ученым посредством описания процесса в физико-химических терминах, — это недетерминированные хаотические процессы с вероятностными исходами. Другими словами, описанная лишь из физической перспективы, *свобода воли выглядит как случай*. Но физическое описание — это не единственное, что необходимо учитывать. Недетерминированный хаотический процесс также присутствует в опыте как усилие воли агента — это нечто, что он *делает*. И недетерминированный итог процесса, тот или иной — это данный в опыте выбор агента, т. е. то, что он делает, а не то, что просто случается с ним. Если мы не добавим эти супервентные описания к физическим фактам, нечто важное пропадет из нашей картины мира²⁹. Более того, если бы мы не могли добавить эти дополнительные описания, мы в принципе не смогли бы отличить ментальные *действия* от ментальных происшествий³⁰.

Посмотрим на это по-другому. Независимо от того, компатибилисты мы или инкомпатибилисты, большинство из нас переживают ситуации моральных и прагматических конфликтов, приблизительно такие же, как у бизнес-леди и инженера. Осуществляя выбор, мы разрешаем их тем или иным образом. Возможно, иногда эти выборы носят импульсивный, вынужденный характер, и непреодолимые соблазны побеждают нас. Но утверждение, что они всегда должны быть импульсивными, выглядело бы чрезвычайно спорным. Даже компатибилисты — в большинстве своем — склонны «давать зеленый свет» различению импульсивных действий и проявлений слабоволия с одной стороны

точкам зрения, подобным моей и связанным с «телеологической осмысленностью». Конструктивная критика также присутствовала в переписке и обсуждениях с William Hasker, Galen Strawson, Peter van Inwagen, Randolph Clarke, Robert Audi, George Graham, William Rowe, Max Hocutt, John Post, David Blumenfeld, Jeff Thumak и Noah Lemos.

²⁹Иными словами, позиция, которую я защищаю, не требует дуализма картезианского характера, однако она также несовместима с «элиминативным материализмом», который стремится избавиться от описания человеческой мысли в терминах народной психологии, заменив их на ясные физико-химические описания мозга. Если бы мы обладали возможностью только таких физико-химических описаний, то (по крайней мере до тех пор, пока физика и химия не изменились бы радикальным образом) свобода воли была бы вычеркнута из описания человеческой психики, наряду с сознанием и прочими известными нам ментальными феноменами.

³⁰Эта точка зрения отстаивается в двух значительных работах современности: Ginet, 1992; O'Shaughnessy, 1980.

и с другой — ситуаций, где мы «по доброй воле» поддаемся соблазну (хотя компатибилисты и не думают, что здесь непременно присутствует индетерминизм). Теперь рассмотрим случаи слабоволия. Предположим, в будущем неврологи скажут нам, что в таких ситуациях волевые усилия, которые мы совершаем для преодоления соблазна, соответствуют индетерминируемым хаотическим мозговым процессам — наподобие того, как я описал ранее. Определенно, это заставит задуматься и сторонников детерминизма, и компатибилистов. Но перестанут ли они при этом утверждать, что усилия воли были *их* усилиями и результаты выбора, явившиеся следствием этих усилий, — это *их* выборы? Полагаю, это было бы так же абсурдно, как утверждать, что наши восприятие и рассуждения и их последствия — не *наши*, если выяснится, что они включают индетерминированные хаотические мозговые процессы (что, согласно некоторым современным предположениям, зачастую и происходит).

Возражение № 2: «Однако ясно, что факт индетерминантности усилий „сводит на нет“ или по крайней мере уменьшает нашу возможность контролировать результаты выборов. Во время выбора результаты зависят от недетерминируемых усилий воли... Разве вы не считаете, что в ситуациях свободного выбора, а в особенности когда речь идет об этих формирующих самость действиях (ФСД), на которые возложен груз ответа за предельную ответственность, сила или возможности контроля агентов ограничены?»

Да, агенты не могут *заблаговременно* гарантировать какой-либо из возможных исходов. Но из того, что *заблаговременно* вы не можете точно сказать, какой из вариантов победит, не следует, что вы не влияете на *исход ситуации*. У вас появляется возможность *волевого контроля* над набором вариантов — когда вы решаете, *что именно вы выбираете, когда хотите* это сделать. Поскольку описанные мной недетерминированные моральные или прагматические выборы были *совершены волей* агентов, то, *что бы* ни случилось далее — *после того, как эти выборы были сделаны*, — агенты в этом смысле обладали волевым контролем происходящего с ними, несмотря на то, что ни один из результатов не мог быть гарантирован *заблаговременно* (заметьте, что условие множественности, обеспечивающее больше-чем-однаправленную волю, — ключ к этому результату).

Теперь, если вы скажете, что невозможность гарантировать итог *заблаговременно* есть ограничение волевого контроля, даже если это не влечет за собой полного его отсутствия, то я признаю это. Более

того, я буду настаивать, что это ограничение имеет существенное значение для свободы воли, поскольку наличие подобного предварительного контроля будет означать, что наши выборы или действия были детерминированы посредством предварительных усилий, черт характера, мотивов и прочих обстоятельств. И такой «предварительно детерминирующий» контроль несовместим с предельным контролем, который является условием предельной ответственности. Первый требует детерминизма, последняя — исключает его. Так, мы должны принять это ограничение за необходимое следствие свободы воли (по меньшей мере, для «формирующих самость действий» — ФСД). Я думаю, что вместо того, чтобы скрывать это, инкомпатибилисты должны вынести это на обсуждение. Свобода воли не есть безграничная или абсолютная сила. Все свободные выборы, включая ФСД, ограничены наследственностью, средой и условиями. Кроме того, ФСД дополнительно ограничены тем, что они не детерминированы предшествующими условиями. Но это не означает, что мы лишены волевого контроля над нашими судьбами; это значит лишь, что когда мы вовлечены в процесс формирования собственной личности, то, что мы выбираем, не детерминировано нашими *уже* сформированными характерами и мотивами.

Возражение № 3: «Все же я не могу преодолеть чувство, что если усилие индетерминантно, то результат выбора — продукт случайности и на самом деле не подлежит контролю агента. Позвольте, я попробую объяснить этот тревожащий меня момент иным способом. Можно ли на деле избежать обвинения в *случайности* для выборов, венчающих индетерминантные усилия? Может быть, выборы и можно назвать множественно рациональными в том смысле, что существуют несопоставимые причины для разных вариантов действия, но не является ли попросту случайным выбор любого из этих несопоставимых наборов мотивов вместо другого, даже если в процессе выбора хочешь выбрать что-либо одно больше, чем все остальное?»

Признаю, что свободные выборы произвольны в том смысле, что их невозможно полностью объяснить с точки зрения прошлого. Но это потому, что их настоящий смысл и значение не находятся целиком и полностью в прошлом. Каждый свободный выбор, как я доказывал в прошлой работе (Кане, 1985: 92–94), есть осуществление «ценностного эксперимента», обоснование которого находится в будущем. Фактически, он означает: «Давай попробуем это. Мое прошлое не требует этого (в качестве обязательного условия), но это согласуется с моим прошлым — и это одно из разветвлений дороги, по которому моя жизнь могла бы

сейчас пойти. Я хочу взять на себя ответственность за это тем или иным образом. С нравственной точки зрения это может сделать меня лучше или хуже, с прагматической — счастливее или несчастнее, но я буду знать, что это было делом моих рук и моим собственным актом формирования себя. Мое прошлое направляло меня, но не детерминировало».

Представьте писателя, который написал половину произведения, главное действующее лицо которого довольно полно описано, но образ не завершен. Героиня сталкивается с кризисной ситуацией, а писатель еще не дорисовал ее характер с должной степенью детализации, чтобы точно сказать, как именно она будет действовать в этой ситуации. Автор решает, что вероятнее она будет действовать одним образом, нежели другим, и, таким образом, ее характер детализируется. Но суждение автора не было детерминировано прошлым героини, поскольку этому прошлому не хватало ясности, чтобы четко указать автору на единственно возможный вариант. В этом смысле решение, как именно она будет вести себя в данной ситуации, было «произвольным», но не полностью. Прошлое персонажа внесло вклад и, в свою очередь, дало импульс будущему³¹. В данном примере нарративного решения автора в центре внимания, конечно же, оказывается идея, что свободные агенты одновременно являются и авторами, и героями собственного повествования, «формирующими себя» в процессе движения из прошлого, которое (в случае, если они подлинно свободны) не до такой степени директивно, чтобы всегда ограничивать их будущие пути до одного — единственно возможного.

(11) *Телеологическая осмысленность (ТО)*. Условием свободных выборов является не полная их объяснимость с точки зрения прошлого, но наличие «телеологической осмысленности», или «нарративной целостности», в связи с которой можно сказать, что выборы, согласно формулировке Уиггинса, встраиваются в «осмысленную последовательность», или вписываются в непротиворечивое повествование, где сами агенты — хотя бы частично — отвечают за события. По этой причине я назвал свою теорию свободы воли теорией «ТО», или «телеологической осмысленности» (позаимствовав это выражение у Гари Уотсона) и противопоставил ее большинству других либертарианских теорий,

³¹В этой связи достоин внимания тот факт, что термин «arbitrary» (произвольно) происходит от латинского «arbitrium», что означает «решение» (как в выражении «liberum arbitrium voluntatis», или «свободное решение воли», — средневековом определении свободы воли).

основывающихся на неких представлениях об агентной причинности (agent-causation), которые не могут быть поняты в терминах обычных представлений о событийной причинности (event causation)³².

Теории ТО обращаются только к событийной причинности и не имеют дела с несобытийной причинностью (non-event causation) ни в одной из ее специфических форм. Но в качестве условия они требуют, чтобы события жизни свободных агентов обладали, в некотором смысле, телеологической или нарративной осмысленностью помимо физических, фактических описаний и причинно-следственных отношений. Теории ТО не отрицают агентной причинности в том обычном смысле, что агенты что-то делают, осуществляют, производят, совершают выборы, способствуют формированию собственных характеров, мотивов и т. п. Что теории ТО отвергают, так это идею, что нам необходим специальный вид несобытийной причинности для объяснения всего этого.

Возражение № 4: «Вы обещали нам дать определение инкомпатибилистской свободы воли, в котором не было бы мистики и которое не противоречило бы современным физике, биологии и когнитивистике. Насколько я понимаю, Вы исключаете агентную причинность, ноуменальные „я“, трансэмпирические эго и прочие подобные либертарианские принципы, которые ранее влекли за собой обвинение в мистицизме. Но, рассуждая о индетерминантных усилиях воли, — разве Вы не подставляете новую мистическую категорию на место прежних? Достижение ли это?»

Я не отнимаю у свободы воли всей ее таинственности. Что я пытаюсь сделать, так это ликвидировать мистические элементы, созданные отчетливо либертарианским подходом к свободе воли — в отличие от мистики, с которой должен иметь дело сторонник любого из существующих взглядов на свободу воли. Индетерминантные усилия воли таинственны, поскольку они связаны с двумя глубокими космологическими проблемами, которые значимы для всех, — не только для либертарианцев.

³²Большинство либертарианских теорий в истории были основаны на представлениях об агентной причинности (have been agent-causal). Также и большинство современных либертарианцев склоняются к какому-либо виду АП (агентной причинности). Есть лишь два исключения — Карл Жине (Ginet, 1992) и я. Уильям Роу предпринял инновационное исследование на тему исторических предпосылок АП-теорий (Rowe, 1987: 62). Несколько более молодых философов пытаются защитить АП-теории от стандартной критики (например: O'Connor, 1992 и Clark, 1993: 191–203). Я желаю им успехов, но по-прежнему, как и Жине, убежден в том, что обращение к несобытийной причинности (non-event causation) в либертарианских теориях лишь умножает сложности, не увеличивая объяснительный потенциал.

Одна из них — «проблема сознания»: как могут ощущения, восприятия, мышление и прочие элементы сознательного опыта быть мозговыми процессами? Большинство загадок, связанных с индетерминантными усилиями, имеют отношение к этой основной проблеме сознания. Как сложные индетерминированные процессы в мозге могут переживаться одновременно и как наши усилия воли, и, следовательно, как наши действия? Безусловно, это тайна, но сознание не перестает быть таинственным, если процессы в мозге, соотносящиеся с производимыми нами усилиями, оказываются скорее детерминированными, нежели недетерминированными. Проблема того, как переживаемое в сознании усилие соотносится с мозговыми процессами, — загадка для каждого, вне зависимости от того, компатибилист он или инкомпатибилист.

Другая космологическая проблема, частью которой является свобода воли, — проблема недетерминированности-в-природе, и эта проблема довольно таинственна сама по себе. Как могут корпускулярно-волновые объекты наподобие электронов обладать индетерминантными траекториями, где их положение и импульс не могут быть точно определены в одно и то же время? Как может быть так, что природные тела обладают такими свойствами, как положение, импульс или энергия, которые точно неопределимы в реальности, а не просто неточно познаваемы? Мы знаем, что великие ученые — некоторые из них стояли у основания квантовой теории, как, например, Планк, Эйнштейн и де Бройль, — не могли принять неточность траекторий, недетерминированность и прочие связанные с этим тайны квантового мира. При помощи указаний на скрытые переменные или посредством изобретения совершенно новой теории они надеялись вернуться к точности и детерминированности классического мира. Предполагаю, что при обсуждении недетерминируемых усилий в дискуссиях по поводу свободы воли мы можем ожидать сопротивления и замешательства такого же уровня, как те, которые были явлены во время обсуждения недетерминируемых траекторий в квантовой теории. Индетерминантные усилия вынуждают нас рассматривать человеческие действия и истории жизни новым и непривычным способом — точно так же, как индетерминантные траектории и свойства обязывают нас смотреть новым и непривычным образом на мир элементарных частиц³³.

³³Перенесение квантовых эффектов на новый уровень требует рассмотрения специальных вопросов, которые я здесь не обсуждаю. Как я говорил ранее, усилие воли соотносится с индетерминистическим хаотическим мозговым процессом в целом. Невоз-

Итак, я согласен с тем, что индетерминантные усилия таинственны. Но их мистическая суть — часть двойной тайны (I) сознания и (II) недетерминированности в самой-природе-вещей. Это — две центральные космологические проблемы нашего времени, и с ними сталкиваемся мы все без исключения, независимо от нашей позиции по поводу свободы воли. В отличие от не-проявляющихся причин или трансэмпирических центров силы, названные категории — не из либертарианских мистерий. Мир полон тайн, но пусть лучше эти тайны создает сама жизнь, а не наши теории. Кроме того, нас не должен удивлять тот факт, что «свобода воли» — Кант именно ее считал «космологической» проблемой — неразрывно связана с двумя другими центральными космологическими проблемами.

IX

(12) *«По своей собственной свободной воле»*. В названии последней части — одна из самых распространенных фраз, где словосочетание «свободная воля» зачастую используется в самом обыденном смысле. В последние десятилетия компатибилисты пытались дать этой фразе определение, согласующееся с детерминизмом. Согласно моему «инкомпатибилистскому» представлению, агенты поступают «по свободной воле» (в инкомпатибилистском понимании) только в том случае, если они «предельно ответственны» за собственные действия в смысле, подразумеваемомся ПО.

Особенный интерес представляет тот факт, что в инкомпатибилистской интерпретации фразы «согласно чьей-то свободной воле» условия свободы удовлетворяются для многих действий, даже если действия были детерминированы и агенты не имели возможности поступить иначе. Деннет цитирует Лютера: «На том стою и не могу иначе», — с этими словами последний окончательно порывает с Римом (Dennett, 1984: ch. 6). Предположим, говорит Деннет, что Лютер буквально это и имел в виду. «Там и тогда» он не мог сделать ничего другого, поскольку его заявление было детерминировано имеющимися у него на тот момент характером и мотивами. Может ли это дать нам повод отрицать, что действие Лютера было свободным и ответственным? Деннет говорит «нет»,

можно разделить индетерминированные и детерминированные части и каждую из них идентифицировать с этим волевым усилием. Следовательно, нельзя сказать, что за усилием воли следует случайность либо индетерминантность или что за индетерминантностью следует усилие воли. Усилие воли и индетерминантность слиты. Усилие воли индетерминантно, а индетерминантность — часть усилия.

тем самым утверждая, что свобода воли и моральная ответственность не требуют в качестве обязательных условий отсутствия детерминизма или даже наличия «возможности поступить иначе».

Как инкомпатибилист, я отвечу таким образом. Действие Лютера *могло* быть свободным (основанным «на его свободной воле») и морально *ответственным* — и, более того, «предельно ответственным», — даже если оно было детерминировано его характером и мотивами, наличествующими на момент действия, и даже если у него не было возможности поступить иначе. Но это было бы так в случае, если бы он сам сформировал свой характер и мотивы посредством прошлых действий из жизненной истории («формирующих самость действий» — ФСД), которые были бы недетерминированы и в отношении которых он мог бы поступить иначе, и если при выполнении этого были бы соблюдены условия рациональности, интенциональности и добровольности. Другими словами, ПО не требует соблюдения условия, чтобы все действия, за которые мы предельно ответственны (и которые, таким образом, осуществлены согласно нашей свободной воле), были бы недетерминированными. Часто мы действуем свободно и ответственно (даже в инкомпатибилистском смысле), исходя из сформированной к тому моменту воли. Чего требует ПО — так это того, чтобы мы сами до какой-то степени сформировали эту волю в прошлом посредством действий, которые были бы недетерминированными. Именно это позволяет нам утверждать, что мы действуем на основании *нашей собственной* свободной воли — воли «собственного производства» — даже если наши характеры и мотивы детерминируют наши действия (в конечном итоге, именно по этой причине ключевым вопросом проблемы свободы воли является вопрос о воле).

Так, Деннет, может быть, и прав в том, что касается Лютера, но ошибается относительно необходимости индетерминизма и фактора «мог поступить иначе». Предельно ответственные действия, или действия, осуществленные «согласно собственной свободной воле», составляют более широкий класс действий, чем «формирующие самость действия» (ФСД), которые должны быть недетерминированными и обязательно удовлетворять условию «мог поступить иначе». Но если среди наших действий не было таким образом «формирующих самость», мы не можем быть предельно ответственными ни за один из своих поступков³⁴.

³⁴Выражаю особую благодарность Марку Бернштейну за ценные комментарии к рукописи статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Кейн Р. Поступать «по своей собственной свободной воле»: современные размышления о древней философской проблеме // Логос. — 2016. — Т. 26, № 5. — С. 103–130.
- Anglin W. S. Free Will and the Christian Faith. — Oxford : Oxford University Press, 1990.
- Aristotle. Nichomachean Ethics / trans. from the Ancient Greek by W. D. Ross // The Works of Aristotle / ed. by W. D. Ross. — Oxford : Clarendon Press, 1952.
- Audi R. Responsible Action and Virtuous Character // Ethics. — 1991. — Vol. 101. — P. 304–321.
- Austin J. Ifs and Cans // Proceedings of the British Academy. Vol. 42. — Oxford : Oxford University Press, 1956. — P. 109–132.
- Babloyantz A., Desteche A. Strange Attractors in the Human Cortex // Temporal Disorder in Human Oscillatory Systems / ed. by L. Rensing, U. an der Heiden, M. C. Mackey. — Berlin : Springer Verlag, 1985. — P. 48–56.
- Benson P. Freedom and Value // Journal of Philosophy. — 1987. — Vol. 84. — P. 465–487.
- Bernstein M. Review of Free Will and Values // Nous. — 1989. — Vol. 23. — P. 557–559.
- Bernstein M. Kanean Libertarianism // Southwest Philosophy Review. — 1995. — Vol. 11, no. 1. — P. 151–157.
- Berofsky B. Freedom From Necessity. — London, New York : Routledge, Kegan Paul, 1987.
- Bishop J. Natural Agency. — Cambridge : Cambridge University Press, 1989.
- Blum A. On a Mainstay of Incompatibilism // Iyyun. — 1990. — Vol. 39. — P. 267–279.
- Clark R. Towards a Credible Agent-Causal Account of Free Will // Nous. — 1993. — Vol. 27. — P. 191–203.
- Dennett D. C. Elbow Room. — Oxford : MIT Press, 1984.
- Dissipative Structures and Spatiotemporal Organization Studies in Biomedical Research / ed. by G. Scott, J. M. McMillen. — Ames (Iowa) : Iowa State University Press, 1980.
- Double R. The Non-Reality of Free Will. — Oxford : Oxford University Press, 1991.
- Dworkin G. The Theory and Practice of Autonomy. — Cambridge : Cambridge University Press, 1988.
- Fischer J. M. Incompatibilism // Philosophical Studies. — 1983. — Vol. 43, no. 1. — P. 127–137.
- Flint T. Compatibilism and the Argument from Unavoidability // Journal of Philosophy. — 1987. — Vol. 84. — P. 423–441.
- Frankfurt H. Alternate Possibilities and Moral Responsibility // The Journal of Philosophy. — 1969. — Vol. 66, no. 23. — P. 829–839.
- Free Will / ed. by G. Watson. — Oxford : Oxford University Press, 1982.

- Gallois A.* Van Inwagen on Incompatibilism and Free Will // *Philosophical Studies*. — 1977. — Vol. 32. — P. 99–106.
- Garson J.* Chaos and Free Will. — 1993. — Unpublished paper delivered to American Philosophical Association.
- Ginet C.* Might We Have No Choice // *Freedom and Determinism* / ed. by K. Lehrer. — New York : Random House, 1967. — P. 87–104.
- Ginet C.* On Action. — Cambridge : Cambridge University Press, 1992.
- Glass L., Mackey M.* From Clocks to Chaos: The Rhythms of Life. — Princeton : Princeton University Press, 1988.
- Globus G.* Kane on Incompatibilism: An Exercise in Neurophilosophy. — 1992. — Unpublished paper by a medical psychiatrist/philosopher.
- Haworth L.* Autonomy : An Essay in Philosophical Psychology and Ethics. — New Haven : Yale University Press, 1986.
- Hill C.* Van Inwagen on the Consequence Argument // *Analysis*. — 1992. — Vol. 52, no. 2. — P. 49–55.
- Hobbs J.* Chaos and Indeterminism // *Canadian Journal of Philosophy*. — 1991. — Vol. 21. — P. 141–164.
- Honderich T.* A Theory of Determinism. Vol. 2. — Oxford : Oxford University Press, 1988.
- Horgan T.* Compatibilism and the Consequence Argument // *Philosophical Studies*. — 1985. — Vol. 47, no. 3. — P. 339–356.
- Huberman P., Hogg G.* Phase Transitions in Artificial Intelligence Systems // *Artificial Intelligence*. — 1987. — Vol. 33. — P. 155–172.
- Kane R.* Free Will and Values. — Albany : State University of New York Press, 1985.
- Kane R.* Principles of Reason // *Erkenntnis*. — 1986. — Vol. 24, no. 2. — P. 115–136.
- Kane R.* Free Will and Responsibility: Comments on Waller's Review // *Behaviorism: A Forum For Critical Inquiry*. — 1988a. — Vol. 16. — P. 159–165.
- Kane R.* Libertarianism and Rationality Revisited // *Southern Journal of Philosophy*. — 1988b. — Vol. 26, no. 3. — P. 441–460.
- Kane R.* Two kinds of Incompatibilism // *Phenomenological Research*. — 1989. — Vol. 50, no. 2. — P. 219–254.
- Kane R.* Through the Moral Maze: Searching for Absolute Values in a Pluralistic World. — New York : Paragon House, 1993.
- Kane R.* Free Will: The Elusive Ideal // *Philosophical Studies*. — 1994. — Vol. 75, no. 1/2. — P. 25–60.
- Kane R.* The Significance of Free Will. — New York : Oxford University Press, 1996a.
- Kane R.* Through the Moral Maze: Searching for Absolute Values in a Pluralistic World. — Armonk (New York) : North Castle Books, 1996b.
- Kane R.* A Contemporary Introduction to Free Will. — Oxford : Oxford University Press, 2005.
- Kane R.* Ethics and the Quest for Wisdom. — Cambridge : Cambridge University Press, 2010.

- Kane R.* Can a Traditional Libertarian or Incompatibilist Free Will Be Reconciled with Modern Science? Steps Toward a Positive Answer // Is Science Compatible with Free Will? / ed. by A. Suarez, P. Adams. — New York : Springer New York, 2013. — P. 255–272.
- Kapitan T.* Doxastic Freedom: A Compatibilist Alternative // American Philosophical Quarterly. — 1989. — Vol. 26. — P. 31–41.
- Kellert S.* In the Wake of Chaos : Unpredictable Order in Dynamical Systems. — Chicago : University of Chicago Press, 1993.
- Klein M.* Determinism, Blameworthiness and Deprivation. — Oxford : Oxford University Press, 1990.
- Lamb J. W.* On a Proof of Incompatibilism // The Philosophical Review. — 1977. — Vol. 86, no. 1. — P. 20–35.
- Lewis D.* Are We Free to Break the Laws? // Theoria. — 1981. — Vol. 47. — P. 113–121.
- Mele A. R.* Autonomous Agents: From Self-Control to Autonomy. — New York, Oxford : Oxford University Press, 1995.
- Moral Responsibility / ed. by J. M. Fischer. — Ithaca (New York) : Cornell University Press, 1986.
- Nagel T.* The View From Nowhere. — Oxford : Oxford University Press, 1987.
- Narveson J.* Compatibilism Defended // Philosophical Studies. — 1977. — Vol. 32. — P. 83–88.
- Nathan N.* Will and World. — Oxford : Oxford University Press, 1992.
- Nozick R.* Anarchy, State and Utopia. — New York : Basic Books, 1974.
- O'Connor T.* Some Puzzles about Free Agency : PhD thesis / O'Connor T. — Cornell, 1992.
- O'Connor T.* Indeterminism and Free Agency: Three Recent Views // Philosophy and Phenomenological Research. — 1993a. — Vol. 53. — P. 499–526.
- O'Connor T.* On the Transfer of Necessity // Nous. — 1993b. — Vol. 27, no. 2. — P. 204–218.
- O'Shaughnessy B.* The Will : A Dual Aspect Theory : in 2 vols. — Cambridge : Cambridge University Press, 1980.
- Plotinus.* The Philosophy of Plotinus: Selections from the Enneads / trans. from the Ancient Greek by J. Katz. — New York : Appleton Century Crofts, 1950.
- Posth M.* Freedom and Realism : PhD thesis / Posth M. — Northwestern, 1990.
- Rowe W.* Two Concepts of Freedom // The Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. — 1987. — Vol. 61. — P. 43–64.
- Schopenhauer A.* The Fourfold Root of the Principle of Sufficient Reason / trans. from the German by K. Hillebrand // Two Essays by A. Schopenhauer. — London : George Bell, Sons, 1889. — P. 1–82.
- Scott G. P.* Dissipative Structures and the Mind-Body Problem // Time, Rhythms and Chaos in the New Dialogue with Nature / ed. by G. P. Scott. — Ames (Iowa) : Iowa State University Press, 1991. — P. 259–272.

- Showalter K., Noyes R., Turner H.* Detailed Studies of Trigger Wave Initiation and Detection // *Journal of the American Chemical Society*. — 1979. — Vol. 101. — P. 746–749.
- Skarda C., Freeman W.* How Brains Make Chaos in Order to Make Sense of the World // *Behavioral and Brain Sciences*. — 1987. — P. 161–195.
- Slote M.* Understanding Free Will // *Journal of Philosophy*. — 1980. — Vol. 77. — P. 136–151.
- Sorabji R.* Necessity Cause and Blame: Perspective on Aristotle's Theory. — Ithaca (New York) : Cornell University Press, 1980.
- Stampe D.* Gibson M. Of One's Own Free Will // *Philosophy and Phenomenological Research*. — 1992. — Vol. 52. — P. 529–556.
- Stapp H. P.* A Quantum Theory of the Mind-Brain Interface. — 1990. — Unpublished presentation to the Conference on Consciousness within Science.
- Strawson P. F.* Freedom and Resentment // *Proceedings of the British Academy*. Vol. 48. — Oxford : Oxford University Press, 1962. — P. 1–25.
- Tatbott T.* Review of Free Will and Values // *International Philosophical Quarterly*. — 1986. — Vol. 20. — P. 300–302.
- The Inner Citadel : Essays on Individual Autonomy* / ed. by J. Christman. — Oxford : Oxford University Press, 1989.
- The Oxford Handbook of Free Will* / ed. by R. Kane. — 2nd ed. — New York : Oxford University Press, 2011.
- Tracy T.* Review of Free Will and Values // *Journal of the American Academy of Religion*. — 1990. — Vol. 22. — P. 389–391.
- Van Inwagen P.* The Incompatibility of Free Will and Determinism // *Philosophical Studies*. — 1975. — Vol. 27, no. 3. — P. 185–199.
- Van Inwagen P.* An Essay on Free Will. — Oxford : Oxford University Press, 1983.
- Vihvelin K.* The Modal Argument for Incompatibilism // *Philosophical Studies*. — 1988. — Vol. 53, no. 2. — P. 227–244.
- Waller B. N.* Free Will Gone Out of Control : A Critical Study of R. Kane's Free Will and Values // *Behaviorism*. — 1988. — Vol. 16. — P. 149–167.
- Watson G.* Free Action and Free Will // *Mind*. — 1987. — Vol. 96, no. 382. — P. 145–172.
- White M.* Agency and Integrality. — Dordrecht et al. : Reidel, 1985.
- Widerker D.* On an Argument for Incompatibilism // *Analysis*. — 1987. — Vol. 47, no. 1. — P. 37–41.
- Wiggins D.* Towards a Reasonable Libertarianism // *Essays on Freedom and Action* / ed. by T. Honderich. — Boston : Routledge, Kegan Paul, 1973. — P. 31–62.
- Williams C.* Review of Free Will and Values // *Canadian Philosophical Reviews*. — 1986. — Vol. 6. — P. 450–452.
- Wolf S.* Freedom within Reason. — Oxford : Oxford University Press, 1990.

Young R. *Personal Autonomy : Beyond Negative and Positive Liberty*. — New York : St Martin's Press, 1986.

Zimmerman M. *An Essay on Human Action*. — New York : Peter Lang, 1984.

Keyn, R. [Kane, R.] 2017. "Svoboda voli: uskol'zayushchiy ideal [Free Will: The Elusive Ideal]" [in Russian], trans. from the English by N. S. Popova-Nikityuk. Ed. by M. A. Sekatskaya. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 1 (4), 141–189.

ROBERT KANE

FREE WILL: THE ELUSIVE IDEAL

Translation of: Kane, R. 1994. "Free Will: The Elusive Ideal." *Philosophical Studies* 75 (1/2): 25–60.

REFERENCES

- Anglin, W. S. 1990. *Free Will and the Christian Faith*. Oxford: Oxford University Press.
- Aristotle. 1952. *Nichomachean Ethics*. In *The Works of Aristotle*, ed. and trans. from the Ancient Greek by W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press.
- Audi, R. 1991. "Responsible Action and Virtuous Character." *Ethics* 101:304–321.
- Austin, J. 1956. "Ifs and Cans." In *Proceedings of the British Academy*, 42:109–132. Oxford: Oxford University Press.
- Babloyantz, A., and A. Destexhe. 1985. "Strange Attractors in the Human Cortex." In *Temporal Disorder in Human Oscillatory Systems*, ed. by L. Rensing, U. an der Heiden, and M. C. Mackey, 48–56. Berlin: Springer Verlag.
- Benson, P. 1987. "Freedom and Value." *Journal of Philosophy* 84:465–487.
- Bernstein, M. 1989. "Review of Free Will and Values." *Nous* 23:557–559.
- . 1995. "Kanean Libertarianism." *Southwest Philosophy Review* 11 (1): 151–157.
- Berofsky, B. 1987. *Freedom From Necessity*. London and New York: Routledge / Kegan Paul.
- Bishop, J. 1989. *Natural Agency*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Blum, A. 1990. "On a Mainstay of Incompatibilism." *Iyyun* 39:267–279.
- Christman, J., ed. 1989. *The Inner Citadel: Essays on Individual Autonomy*. Oxford: Oxford University Press.
- Clark, R. 1993. "Towards a Credible Agent-Causal Account of Free Will." *Nous* 27:191–203.
- Dennett, D. S. 1984. *Elbow Room*. Oxford: MIT Press.
- Double, R. 1991. *The Non-Reality of Free Will*. Oxford: Oxford University Press.
- Dworkin, G. 1988. *The Theory and Practice of Autonomy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fischer, J. M. 1983. "Incompatibilism." *Philosophical Studies* 43 (1): 127–137.
- , ed. 1986. *Moral Responsibility*. Ithaca (New York): Cornell University Press.
- Flint, T. 1987. "Compatibilism and the Argument from Unavoidability." *Journal of Philosophy* 84:423–441.
- Frankfurt, H. 1969. "Alternate Possibilities and Moral Responsibility." *The Journal of Philosophy* 66 (23): 829–839.

- Gallois, A. 1977. "Van Inwagen on Incompatibilism and Free Will." *Philosophical Studies* 32:99–106.
- Garson, J. 1993. "Chaos and Free Will." Unpublished paper delivered to American Philosophical Association.
- Ginet, C. 1967. "Might We Have No Choice." In *Freedom and Determinism*, ed. by K. Lehrer, 87–104. New York: Random House.
- . 1992. *On Action*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Glass, L., and M. Mackey. 1988. *From Clocks to Chaos: The Rhythms of Life*. Princeton: Princeton University Press.
- Globus, G. 1992. "Kane on Incompatibilism: An Exercise in Neurophilosophy." Unpublished paper by a medical psychiatrist/philosopher.
- Haworth, L. 1986. *Autonomy: An Essay in Philosophical Psychology and Ethics*. New Haven: Yale University Press.
- Hill, C. 1992. "Van Inwagen on the Consequence Argument." *Analysis* 52 (2): 49–55.
- Hobbs, J. 1991. "Chaos and Indeterminism." *Canadian Journal of Philosophy* 21:141–164.
- Honderich, T. 1988. *A Theory of Determinism*. Vol. 2. Oxford: Oxford University Press.
- Horgan, T. 1985. "Compatibilism and the Consequence Argument." *Philosophical Studies* 47 (3): 339–356.
- Huberman, P., and G. Hogg. 1987. "Phase Transitions in Artificial Intelligence Systems." *Artificial Intelligence* 33:155–172.
- Kane, R. 1985. *Free Will and Values*. Albany: State University of New York Press.
- . 1986. "Principles of Reason." *Erkenntnis* 24 (2): 115–136.
- . 1988a. "Free Will and Responsibility: Comments on Waller's Review." *Behaviorism: A Forum For Critical Inquiry* 16:159–165.
- . 1988b. "Libertarianism and Rationality Revisited." *Southern Journal of Philosophy* 26 (3): 441–460.
- . 1989. "Two kinds of Incompatibilism." *Phenomenological Research* 50 (2): 219–254.
- . 1993. *Through the Moral Maze: Searching for Absolute Values in a Pluralistic World*. New York: Paragon House.
- . 1994. "Free Will: The Elusive Ideal." *Philosophical Studies* 75 (1/2): 25–60.
- . 1996a. *The Significance of Free Will*. New York: Oxford University Press.
- . 1996b. *Through the Moral Maze: Searching for Absolute Values in a Pluralistic World*. Armonk (New York): North Castle Books.
- . 2005. *A Contemporary Introduction to Free Will*. Oxford: Oxford University Press.
- . 2010. *Ethics and the Quest for Wisdom*. Cambridge: Cambridge University Press.
- , ed. 2011. *The Oxford Handbook of Free Will*. 2nd ed. New York: Oxford University Press.
- . 2013. "Can a Traditional Libertarian or Incompatibilist Free Will Be Reconciled with Modern Science? Steps Toward a Positive Answer." In *Is Science Compatible with Free Will?*, ed. by A. Suarez and P. Adams, 255–272. New York: Springer New York.
- Kapitan, T. 1989. "Doxastic Freedom: A Compatibilist Alternative." *American Philosophical Quarterly* 26:31–41.
- Keyn, R. [Kane, R.] 2016. "Postupat' 'po svoey sobstvennoy svobodnoy vole': sovremennyye razmyshleniya o drevney filosofskoy probleme [Acting 'of One's Own Free Will: Modern Reflections on an Ancient Philosophical Problem]' [in Russian]. *Logos [Logos]* 26 (5): 103–130.
- Kellert, S. 1993. *In the Wake of Chaos: Unpredictable Order in Dynamical Systems*. Chicago: University of Chicago Press.
- Klein, M. 1990. *Determinism, Blameworthiness and Deprivation*. Oxford: Oxford University Press.

- Lamb, J. W. 1977. "On a Proof of Incompatibilism." *The Philosophical Review* 86 (1): 20–35.
- Lewis, D. 1981. "Are We Free to Break the Laws?." *Theoria* 47:113–121.
- Mele, A. R. 1995. *Autonomous Agents: From Self-Control to Autonomy*. New York and Oxford: Oxford University Press.
- Nagel, T. 1987. *The View From Nowhere*. Oxford: Oxford University Press.
- Narveson, J. 1977. "Compatibilism Defended." *Philosophical Studies* 32:83–88.
- Nathan, N. 1992. *Will and World*. Oxford: Oxford University Press.
- Nozick, R. 1974. *Anarchy, State and Utopia*. New York: Basic Books.
- O'Connor, T. 1992. "Some Puzzles about Free Agency." PhD diss.
- . 1993a. "Indeterminism and Free Agency: Three Recent Views." *Philosophy and Phenomenological Research* 53:499–526.
- . 1993b. "On the Transfer of Necessity." *Nous* 27 (2): 204–218.
- O'Shaughnessy, B. 1980. *The Will: A Dual Aspect Theory*. 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press.
- Plotinus. 1950. *The Philosophy of Plotinus: Selections from the Enneads*. Trans. from the Ancient Greek by J. Katz. New York: Appleton Century Crofts.
- Posth, M. 1990. "Freedom and Realism." PhD diss.
- Rowe, W. 1987. "Two Concepts of Freedom." *The Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association* 61:43–64.
- Schopenhauer, A. 1889. *The Fourfold Root of the Principle of Sufficient Reason*. In *Two Essays by A. Schopenhauer*, trans. from the German by K. Hillebrand, 1–82. London: George Bell / Sons.
- Scott, G. P. 1991. "Dissipative Structures and the Mind-Body Problem." In *Time, Rhythms and Chaos in the New Dialogue with Nature*, ed. by G. P. Scott, 259–272. Ames (Iowa): Iowa State University Press.
- Scott, G., and J. M. McMillen, eds. 1980. *Dissipative Structures and Spatiotemporal Organization Studies in Biomedical Research*. Ames (Iowa): Iowa State University Press.
- Showalter, K., R. Noyes, and H. Turner. 1979. "Detailed Studies of Trigger Wave Initiation and Detection." *Journal of the American Chemical Society* 101:746–749.
- Skarda, C., and W. Freeman. 1987. "How Brains Make Chaos in Order to Make Sense of the World." *Behavioral and Brain Sciences*: 161–195.
- Slote, M. 1980. "Understanding Free Will." *Journal of Philosophy* 77:136–151.
- Sorabji, R. 1980. *Necessity Cause and Blame: Perspective on Aristotle's Theory*. Ithaca (New York): Cornell University Press.
- Stampe, D. 1992. "Gibson M. Of One's Own Free Will." *Philosophy and Phenomenological Research* 52:529–556.
- Stapp, H. P. 1990. "A Quantum Theory of the Mind-Brain Interface." Unpublished presentation to the Conference on Consciousness within Science.
- Strawson, G. 1986. *Freedom and Belief*. Oxford: Clarendon Press.
- Strawson, P. F. 1962. "Freedom and Resentment." In *Proceedings of the British Academy*, 48:1–25. Oxford: Oxford University Press.
- Tatbott, T. 1986. "Review of Free Will and Values." *International Philosophical Quarterly* 20:300–302.
- Tracy, T. 1990. "Review of Free Will and Values." *Journal of the American Academy of Religion* 22:389–391.
- Van Inwagen, P. 1975. "The Incompatibility of Free Will and Determinism." *Philosophical Studies* 27 (3): 185–199.
- . 1983. *An Essay on Free Will*. Oxford: Oxford University Press.

- Vihvelin, K. 1988. "The Modal Argument for Incompatibilism." *Philosophical Studies* 53 (2): 227–244.
- Waller, B. N. 1988. "Free Will Gone Out of Control: A Critical Study of R. Kane's Free Will and Values." *Behaviorism* 16:149–167.
- Watson, G., ed. 1982. *Free Will*. Oxford: Oxford University Press.
- . 1987. "Free Action and Free Will." *Mind* 96 (382): 145–172.
- White, M. 1985. *Agency and Integrality*. Dordrecht et al.: Reidel.
- Widerker, D. 1987. "On an Argument for Incompatibilism." *Analysis* 47 (1): 37–41.
- Wiggins, D. 1973. "Towards a Reasonable Libertarianism." In *Essays on Freedom and Action*, ed. by T. Honderich, 31–62. Boston: Routledge / Kegan Paul.
- Williams, C. 1986. "Review of Free Will and Values." *Canadian Philosophical Reviews* 6:450–452.
- Wolf, S. 1990. *Freedom within Reason*. Oxford: Oxford University Press.
- Young, R. 1986. *Personal Autonomy: Beyond Negative and Positive Liberty*. New York: St Martin's Press.
- Zimmerman, M. 1984. *An Essay on Human Action*. New York: Peter Lang.